

ISSN 2310-5453

№1

2013

АРКТИКА. XXI век. Гуманитарные науки

Информационно-научное издание

Учредитель

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова

Главный редактор

Михаил Присяжный

Редакционная коллегия:

Варвара Белолобская (СВФУ, Россия)

Ольга Мельничук (СВФУ, Россия)

Виктория Михайлова (СВФУ, Россия)

Александр Петров (РГПУ им. Герцена, Россия)

Грэг Поэлзер (Университет Саскачевана, Канада)

Дженнан Фергюсон (Университет Абердина, Шотландия)

Ответственный секретарь

Лена Сидорова

Технические секретари:

Наталья Криворотова

Дмитрий Осипов

Адрес редакции:

677000, г. Якутск, ул. Белинского, д. 58,
СВФУ, УЛК (учебно-лабораторный корпус), каб. 508.
sakhaarctic@gmail.com www.arcticjournal.s-vfu.ru

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-54131 от 17 мая 2013 г.

© Северо-Восточный федеральный университет, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю (<i>Присяжный М.</i>)	3
--	---

СОВРЕМЕННЫЕ ВОПРОСЫ ЦИРКУМПОЛЯРНОГО МИРА

Слепцов А. Проблемы правового обеспечения качества жизни северян в Арктической зоне Российской Федерации	4
Киришнер С. Уроки для доверенных: Европейская конвенция по правам человека и право коренных народов на справедливый суд	10
Максимов Н. Арктика в XXI веке: интересы России и Китая	22
Штаммлер-Госман А. Что такое Север? Концепция российского пространства ...	30

ЯЗЫК. КУЛЬТУРА. ЭТНОС

Хазанкович Ю. Культура народов циркумполярной зоны: особенности формирования «первичного» мышления	53
Корякина А. Содержание понятия «поликультурная языковая личность»	61
Исакова С. Литература народов северо-западной Сибири в работах европейских исследователей (на примере творчества Еремея Айпина)	65

СОБЫТИЯ, ПРОЕКТЫ, ГРАНТЫ

Бурнашева Д. Лето в Сибири: международные летние школы СВФУ	69
Мельникова Н. Шестая Международная психологическая школа Центра психологической поддержки «Развитие» СВФУ им. М. К. Аммосова	72
Об авторах	75

К ЧИТАТЕЛЮ

Представляем вашему вниманию первый номер журнала «Арктика. XXI век. Гуманитарные науки». Этот выпуск является частью большого информационного проекта Северо-Восточного федерального университета «Новый мир Арктики», посвященного широкому кругу вопросов исследования Арктики.

Этот номер открывается рубрикой «Современные вопросы циркумполярного мира». Статья руководителя Центра правовых исследований устойчивого развития Арктики и коренных малочисленных народов Севера СВФУ Анатолия Слепцова посвящена проблемам правового обеспечения качества жизни северян в Арктической зоне Российской Федерации. Действующие международно-правовые документы и анализ их применения по материалам дел о защите прав коренных народов Севера представлены в статье визит-профессора Университета Лапландии Стефана Киршнера.

Возросшее стратегическое значение Арктики привлекает внимание не только арктических государств, но и многих других неарктических стран мира, прежде всего Китая. Директор Института Востока СВФУ Нюргун Максимов в своей статье рассматривает основные научные направления и проекты, которыми занимается Китай для реализации своей стратегии в Арктике. Доктор антропологии из Арктического Центра (Рованиеми) Анна Штаммлер-Госсман рассматривает трактовку концепта Севера России как пространственной категории и посвящает этому статью, подготовленную для нашего журнала.

Рубрика «Язык. Культура. Этнос» представлена статьями исследователей СВФУ Юлии Хазанкович, Анжелины Корякиной и Снежаны Исаковой.

В рубрике «События, проекты, гранты» мы планируем знакомить вас с основными научными и образовательными событиями в СВФУ. В этом номере вы можете узнать о международных летних школах нашего университета, которые прошли в 2013 году.

Главный редактор
Михаил Присяжный

СОВРЕМЕННЫЕ ВОПРОСЫ ЦИРКУМПОЛЯРНОГО МИРА

УДК 349.3: 330.59 (985)

Анатолий СЛЕПЦОВ

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ СЕВЕРЯН В АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

LEGAL PROBLEMS OF THE QUALITY OF LIFE OF NORTHERNERS IN THE ARCTIC ZONE OF THE RUSSIAN FEDERATION

В статье анализируются проблемы правового обеспечения качества жизни северян в Арктической зоне Российской Федерации.

The article analyses the issues of legal support of the quality of life of northerners in the Arctic zone of the Russian Federation.

Общегосударственное значение Севера, специфические особенности функционирования промышленного производства и социальной сферы, обусловленные экстремальными природно-климатическими условиями, удаленностью от центральных районов страны, отраслевой направленностью, требуют особого внимания государства, учета специфики северных и арктических территорий при выработке и осуществлении государственной социально-экономической политики [1].

Арктическая зона характеризуется экстремальными природно-климатическими условиями, наличием разнообразных и значительных по запасам минерально-сырьевых и других природных ресурсов; высокой долей коренных малочисленных народов в населении арктических регионов, сосредоточением объектов экономики и социальной сферы на ограниченных территориях, удаленностью и транспортной труднодоступностью; чрезвычайной уязвимостью природных экосистем.

В арктической зоне добывается около 80% российского газа, более 90% никеля и кобальта, 60% меди, 96% платиноидов, 100 % барита. К российскому сектору относится около трети всей площади Арктики. Вклад российской Арктики в поддержание глобального экосистемного баланса оценивается в 12% и превосходит совокупный вклад всех других стран арктического региона. Кроме того, в Российской Федерации представлено примерно 80% всего видового разнообразия Арктики [2].

Эта специфика определяет необходимость выделения Арктической зоны Российской Федерации в самостоятельный объект государственной политики. Политика российского государства в Арктике направлена на обеспечение национальной безопасности страны и устойчивого развития арктических регионов. Особые национальные интересы России в области устойчивого развития Арктики охватывают сферы экономики, экологии, социальной политики, международного сотрудничества и науки.

Выделение Арктической зоны Российской Федерации в самостоятельный объект государственной политики предполагает совершенствование законодательства на основе разработки пакета взаимосвязанных нормативных правовых актов и специальных «арктических» норм, регулирующих общественные отношения в Арктике.

Анализ федерального законодательства по вопросам социально-экономического развития арктических территорий России показывает, что оно не отвечает новым вызовам времени. В нем имеются значительные пробелы и противоречия. До сих пор не принят базовый закон «Об Арктической зоне Российской Федерации», что препятствует практической реализации государственной политики в Арктике. Не принята государственная программа развития Арктической зоны.

Стремление к унификации федерального законодательства в целях обеспечения единообразия правового регулирования не учитывает различных условий жизнедеятельности северян. Это привело к принятию многих законодательных актов, не учитывающих северную специфику, и к исключению из законодательства ряда действовавших, проверенных временем норм.

Более того, принятые без должного учета территориальной специфики федеральные законы, регулирующие вопросы федеративных отношений, местного самоуправления, разграничения полномочий между уровнями публичной власти, в значительной степени изменили саму основу законодательства. Вследствие этого произошло ухудшение правового положения многих категорий граждан, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях [3].

И в этих условиях огромное значение для российской Арктики имеет утверждение Президентом РФ В.В. Путиным в феврале 2013 года Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года.

В стратегии сформулированы приоритетные направления развития Арктической зоны России. Это комплексное социально-экономическое развитие Арктической зоны, развитие науки и технологий, создание современной информационно-телекоммуникационной инфраструктуры, обеспечение экологической безопасности в Арктике.

Действительно, экономическое освоение не двинется вперед без возрождения социальной инфраструктуры, создания условий, которые бы обеспечили действенную систему мотиваций и стимулов в сфере освоения и развития Арктической зоны, высокое качество жизни, включая развитие здравоохранения, образования,

культуры и спорта. Россия в значительной мере является северной страной, и возрождение Русского Севера как комплексная социально-экономическая проблема не может быть осуществлено «вахтовым методом» [4].

Для обеспечения комплексного социально-экономического развития Арктической зоны целесообразно разработать пакет взаимосвязанных нормативных правовых актов и специальных «арктических» норм, в частности, нужно предоставить арктическим субъектам Российской Федерации большую самостоятельность в проведении налоговой политики, направленной на развитие инвестиционной деятельности. Ввести прогрессивный налог на доходы физических лиц. Часть сборов по таможенным платежам и налогам за пользование природными ресурсами, как это делается в арктических странах, закрепить за теми регионами и муниципальными образованиями, где эти ресурсы разрабатываются. Это позволило бы реально увеличить доходы арктических территорий на устойчивое развитие. Базовым элементом развития арктических территорий должна стать достаточная бюджетная обеспеченность.

Приоритетные меры в области государственной поддержки народов Севера должны предусматривать субсидии арктическим регионам на поддержку самобытной культуры этих народов, развития домашнего оленеводства и традиционного рыболовства. Необходимо выделить субсидии на проведение землеустроительных работ для установления границ территорий традиционного природопользования в арктической зоне, обеспечить государственную регистрацию прав представителей коренных народов, ведущих кочевой образ жизни, на владение и пользование земельными участками для ведения традиционных видов хозяйствования. Учет традиционных знаний и обычного права аборигенов Севера.

Сегодня без использования результатов фундаментальных исследований и прикладной науки, новейших инновационных технологий невозможно эффективно управлять Арктикой. Для достижения целей устойчивого развития Арктической зоны России, крайне необходимы высокие инновационные технологии в области энергетики, транспорта, жилищно-коммунального хозяйства, промышленности, сельского хозяйства, образования и медицины. Поэтому научное обеспечение развития Арктики должно финансироваться из государственного бюджета отдельной строкой.

Согласно Стратегии, основное богатство российской Арктики не природные ресурсы, а северяне, которые в экстремальных, природно-климатических и крайне тяжелых социально-экономических условиях, сами того не сознавая, решают важные экономические и геополитические задачи страны.

Как известно, работа и проживание в экстремальных природно-климатических условиях Севера требуют от граждан существенных дополнительных материальных и физиологических затрат, возмещение которых должно быть обеспечено новой правовой системой социальных гарантий и компенсаций как основной механизм привлечения и закрепления трудовых ресурсов, повышения качества жизни проживающего там населения.

Следует отметить, что определяющую роль в создании правовой системы гарантий и компенсаций северянам должно играть государство, которое в соответствии с частью 2 статьи 19 Конституции Российской Федерации гарантировало равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от места жительства.

Основная задача в сфере «арктического» трудового и пенсионного законодательства – совершенствование системы гарантий и компенсаций, предусмотренных Трудовым кодексом Российской Федерации и Федеральным законом «О государственных гарантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях» от 19 февраля 1993 года, N 4520-1.

В новых экономических условиях крайне важно разработать новое понятие – «арктический» трудовой коэффициент, взяв за основу советский вариант «северного» районного коэффициента, разработать методику его начисления, установить размер арктического трудового коэффициента к заработной плате, пособиям, стипендиям и компенсациям и порядка его применения, увеличить материальную компенсацию за переезды и поездки льготным категориям граждан, установить повышенные надбавки за стаж работы в Арктической зоне Российской Федерации.

Практически во всех северных субъектах Российской Федерации отмечается тенденция уклонения работодателей, особенно частного сектора экономики, от предоставления гарантий и компенсаций своим работникам. Для решения этой проблемы необходимо определить меры ответственности работодателей за предоставление установленных законодательством северных трудовых гарантий и компенсаций, а также установить механизмы компенсации реальных затрат работодателям за предоставление гарантий и компенсаций.

В советское время экономику Арктики поднимала комсомольская молодежь и сегодня без высококвалифицированной рабочей силы не возможна модернизация экономики. Как известно, основными критериями для молодежи при выборе места постоянного проживания являются наличие интересной и хорошо оплачиваемой работы, возможность карьерного роста, комфортные жилищно-бытовые условия, доступность образовательных, медицинских, культурных и спортивных учреждений, наличие Интернета и мобильной связи.

Для формирования единого интеллектуального пространства Арктики и Севера нужен системный подход, в том числе интеграция существующего научного и организационного потенциала. Необходима специальная программа по широкому внедрению информационных технологий во все сферы, в том числе социальную сферу, что улучшит коммуникации между населенными пунктами и людьми Севера, повысит их качество жизни [5].

Все это предъявляет новые требования к комплексной модернизации социальной инфраструктуры Арктики. Наиболее перспективным решением данной проблемы является объединение ресурсов государства и бизнеса в различных формах государственно-частного партнерства.

Однако до настоящего времени не сформулирована концепция взаимодействия государства и бизнеса в Арктике, в каких организационно-правовых формах оно может осуществляться, не разработано правовое определение государственно-частного партнерства.

Представляется, что одним из механизмов реализации государственно-частного партнерства было бы создание Фонда устойчивого развития Арктики для финансирования государственной программы развития Арктической зоны Российской Федерации.

Одной из основных задач освоения Арктического региона является выработка новых организационно-правовых основ международного государственно-частного партнерства в Арктике, разработка концепции освоения и развития региона с учетом интересов всех арктических стран. Актуальным представляется и решение такой задачи, как расширение полномочий Арктического совета, создание при нем международного третейского суда и Центра медиации [6].

Для привлечения молодежи в арктические районы целесообразно закрепить в федеральном законодательстве ряд преференций, например, оправдавшее в советское время право лиц моложе 30 лет, работающих в арктических районах, на получение процентной надбавки к заработной плате в полном объеме с первого года работы, если они проживали до начала трудовой деятельности в этих районах не менее 5 лет.

Работодателям, создающим дополнительные рабочие места для молодежи, должны быть установлены соответствующие экономические стимулы и льготы.

Таким образом, правовое регулирование устойчивого развития Арктической зоны Российской Федерации, на наш взгляд, должно осуществляться на основе пакета специальных «арктических» норм, установления новых «арктических» трудовых коэффициентов, направленных на создание условий для улучшения качества жизни северян, обеспечения баланса общегосударственных, региональных и муниципальных интересов, с упором на социальный и инновационный путь развития.

Литература

1. Пивненко, В.Н. Северное трудовое законодательство нуждается в корректировке // Российский Север: модернизация и развитие. URL: <http://www.rosnord.ru/strategy/state-policy/64-severnoe-trudovoe-i-pensionnoe-zakonodatelstvo-nuzhdaetsya-v-korrektirovke> (дата обращения: 13.06.2013).

2. Проект Концепции устойчивого развития арктической зоны Российской Федерации. Проект Концепции разработан в соответствии с решением Совета по проблемам Крайнего Севера и Арктики при Правительстве Российской Федерации (протокол от 26 ноября 2002 г. №1).

3. Северные кладовые ждут комплексной модернизации // Парламентская газета на Дальнем Востоке. – 2011. – №18. – 15 апреля.

4. *Городецкий, А.Е., Иванов, В.В.* Научное обеспечение развития арктических регионов России // Российский Север: модернизация и развитие. URL: <http://rosnord.ru/strategy/standpoint/75-nauchnoe-obespechenie-razvitiya-arkticheskikh-regionov-rossii> (дата обращения: 18.08.2013).

5. *Николаев, М.Е.* Российский Север – регион нового развития [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://nlib.sakha.ru:83/index.php/ru/2008-12-30-01-55-52/.../284-22040> (дата обращения: 13.07.2013).

6. *Слипенчук, М.В.* Арктика должна стать регионом международной кооперации [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.arctic-info.ru/ExpertOpinion/Page/arktika-doljna-stat_-regionom-mejdynarodnoi-kooperacii (дата обращения: 18.07.2013).

Стефан КИРШНЕР

**УРОКИ ДЛЯ ПОВЕРЕННЫХ:
ЕВРОПЕЙСКАЯ КОНВЕНЦИЯ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
И ПРАВО КОРЕННЫХ НАРОДОВ НА СПРАВЕДЛИВЫЙ СУД¹**

**EVIDENCE REQUIREMENTS AND THE RIGHT TO A FAIR TRIAL UNDER
THE EUROPEAN CONVENTION ON HUMAN RIGHTS FROM THE PERSPECTIVE
OF INDIGENOUS GROUPS: LESSONS FOR ATTORNEYS**

В статье исследуются проблемы международно-правовой защиты прав и основных свобод коренных народов. Анализируются действующие международно-правовые документы с привлечением практического материала на примере дел, рассмотренных ЕСПЧ.

This article investigates the problem of international legal protection of human rights and fundamental freedoms of indigenous peoples. The existing international legal documents involving practical material on the example of cases of the European Court of Human Rights are analyzed.

I. Введение

В последние десятилетия материальным правам групп уделяется достаточное внимание, чего нельзя сказать о процессуальных правах по отношению к правам коренных народов. В этой статье будет показано, что права коренных народов имеют не только материальную, но также и процессуальную сторону. Право на справедливый суд в соответствии со статьей 6 Европейской конвенции по правам человека² (ЕКЧП) требует определенной степени равенства сторон. Все же, в то время, как суд одинаково принимает во внимание заявления сторон о рассмотрении их дела в правовом споре, способ, которым может быть обеспечено доказательство, смещено в сторону культуры большинства, таким образом, навязывая стандарты, которые

¹ Текст основан на выступлении автора в апреле 2013 г. Автор благодарит организаторов и участников семинара по исследованию прав человека Университета Лапландии, Рованиеми, Финляндия. Особую благодарность автор выражает О. Равна (Ø. Ravna), Тромсо за информативные комментарии. Мнение, выраженное в этой статье, выражает точку зрения автора и является отражением его частного мнения.

² Европейский Договор, серия №5. http://www.echr.coe.int/Documents/Convention_eng.pdf.

скорее оправдывают ожидания культуры большинства, чем меньшинства, в особенности групп коренных народов.

Примечательным случаем в этом контексте является дело, известное как «саамское поселение Хандольсдален и другие против Швеции»³, переданное на рассмотрение в Европейский суд по правам человека в 2010 г.

В этой статье, написанной с точки зрения поверенного, который занимается делами до рассмотрения в Европейском суде по правам человека, читатели будут частично ознакомлены с особым мнением, предложенным судьей Зимель в вышеупомянутом случае. По существу, она объясняет, и я согласен с ее мнением, что предпосылка, на которой базировалось мнение большинства в Европейском суде по правам человека, была ошибочной. Примечательно, что стандарты основной идеи, лейтмотива доказательства, которые были уместны и обоснованы во внутригосударственном деле, которое привело к Хандольсдалену (и которое было основано на шведском Земельном кодексе 1734 года), могли быть несовместимы с сегодняшним пониманием прав кочевых народов.

Вместо того, чтобы утверждать, что должны применяться специальные процессуальные нормы в рассмотрении дел коренных народов, я полагаю, что статья 6 потребует принятия во внимание различных способов, которыми эти требования могут быть доказаны.

II. Право на справедливый суд в соответствии со статьей 6 Европейской Конвенции по правам человека

Наряду со статьей 8 Европейской конвенции по правам человека, статья 6 ЕКПЧ является, возможно, наиболее широко используемой из прав, содержащихся в Европейской конвенции по правам человека⁴. «Ключевым принципом»⁵, включенным в статью 6 ЕКПЧ, является принцип справедливости. Статья 6 (3) (d) ЕКПЧ включает больше, чем изложение принципа равноправия сторон⁶. Слушание, «в целом»⁷, должно быть справедливым⁸. Правила предъявления доказательств, которые ставят одну сторону в невыгодное положение в правовом споре, однако отвечают обоим этим требованиям, непосредственно нарушают требования к обеспечению равенства сторон, как важной составляющей права на справедливый суд.

³ Европейский суд по правам человека, *саамское поселение Хандольсдален и другие против Швеции*, (Идентификационный номер: 39013/04). Решение суда от 30 марта 2010.

⁴ См. Карен Рид. Практический гид по Европейской конвенции по правам человека, 3 изд. Томсон / Свит & Максвелл, Лондон (2007), с. 65.

⁵ Рид (см. сноску 3), с. 65.

⁶ Европейский суд по правам человека, *Делькур против Бельгии*, жалоба N. 2689/65. Постановление от 17 января 1970 года, пар. 28; Европейский суд по правам человека, *Исгро против Италии*, жалоба N. 11339/85. Постановление от 21 февраля 1991 года, пар. 31; о требованиях к равенству сторон см. также Марк В. Джанис / Ричард С. Кэй / Энтони В. Брэдли, *Европейский закон по правам человека*. – Текст и материалы, 3 изд., Оксфорд Университи Пресс, Оксфорд (2008), с. 792 и далее.

⁷ Европейский суд по правам человека, *Видал против Бельгии*, жалоба N. 12351/86. Постановление от 22 апреля 1992 года, пар. 33.

⁸ Европейский суд по правам человека, *Видал против Бельгии*, жалоба N. 12351/86. Постановление от 22 апреля 1992 года, пар. 33; см. также Европейский суд по правам человека, *Дельта против Франции*, жалоба N. 11444/85. Постановление от 19 декабря 1990 года, пар. 35.

Некоторые, но не обязательно все⁹, способы, которыми справедливость может быть реализована юридически, в особенности во время судебного процесса, перечислены в § 3 статьи 6 ЕКЧП. Одним из элементов справедливости является идея равенства сторон в правовом споре¹⁰. Равенство сторон¹¹, по существу, требует, чтобы обе стороны имели одинаковые возможности для аргументации¹². Ни одной из сторон не должно быть более трудно представлять свое дело, чем другой¹³. Это предполагает возможность предъявить доказательства¹⁴. В общем, сторона, которая предъявляет претензию, должна для этого представить соответствующие свидетельства. И часто доказательства определяют особенности встречного удовлетворения как рассмотрения в контексте прав на справедливый суд с учетом допустимости определенного доказательства. Но что если закон требует такой формы доказательств, которая трудна для стороны, нуждающейся в обеспечении их с целью дальнейшего правопритязания? Наглядным примером может быть необходимость доказательства того, что определенная часть земли используется коренными жителями или группой с незапамятных времен. Притом, что использование с древности может быть легко доказано, если речь идет только об одной группе пользователей, или, в особенности, когда эти пользователи постоянные. Ситуация осложняется, как только речь идет о нескольких группах пользователей с противоборствующими интересами, и даже еще более осложняется, если пользование землей ставится под вопрос, так как по существу оно носит временный характер, как в случае использования земли в целях оленеводства.

Статья 6 Европейской конвенции по правам человека, которая содержит право на справедливый суд, гласит:

«1. Каждый имеет право при определении его гражданских прав и обязанностей или при рассмотрении любого уголовного обвинения, предъявленного ему, на справедливое публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона. Судебное решение объявляется публично, однако пресса и публика могут не допускаться на все судебное разбирательство или часть его по соображениям морали, общественного порядка или государственной безопасности в демократическом обществе, если это требуется в интересах несовершеннолетних или для защиты частной жизни сторон, или – в той мере, в какой это, по мнению суда, строго необходимо – при особых обстоятельствах, когда публичность нарушала бы интересы правосудия.

2. Каждый обвиняемый в уголовном преступлении считается невиновным, пока виновность его не будет доказана в соответствии с законом.

⁹ Рид (см. сноску 3), с. 65.

¹⁰ Рид (см. сноску 3), с. 66.

¹¹ О требованиях к равенству сторон более подробно Рид (см. сноску 3), с. 114 и далее, снова ссылаясь на юриспруденции органов Конвенции.

¹² Рид (см. сноску 3), с. 67.

¹³ Сравни Рид (см. сноску 3), с. 67.

¹⁴ Рид (см. сноску 3), с. 67; о доказательстве и праве на справедливый суд в целом см. Рид (сноска 3), с. 119 и далее.

3. Каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления имеет как минимум следующие права:

(а) быть незамедлительно и подробно уведомленным на понятном ему языке о характере и основании предъявленного ему обвинения;

(б) иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты;

(с) защищать себя лично или через посредство выбранного им самим защитника или, если у него нет достаточных средств для оплаты услуг защитника, иметь назначенного ему защитника бесплатно, когда того требуют интересы правосудия;

(д) допрашивать показывающих против него свидетелей или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены, и иметь право на вызов и допрос его свидетелей на тех же условиях, что и свидетелей, показывающих против него;

(е) пользоваться бесплатной помощью переводчика, если он не понимает языка, используемого в суде, или не говорит на нем».

Европейский суд по правам человека разъяснил в деле *Домбо Бехеер Б.В. против Нидерландов*, какие претенденты могут – и что они не могут – ожидать от Европейского суда по правам человека при заявлении на нарушение статьи 6 ЕКПЧ. Суд:

«вначале отметил (отмечает), что он не призван постановлять в целом, допустимо ли исключить свидетельские показания человека в гражданских процессах, в которых он является стороной. Так же, как и не призван отвлеченно рассматривать закон Нидерландов на предмет доказательств в гражданском процессе. Компания, подавшая иск, не утверждает, что сам закон нарушил Конвенцию; кроме того, закон, в соответствии с которым решения обжаловывались, был с тех пор заменен. В любом случае компетентность свидетелей прежде всего управляется внутригосударственным правом [...] [15]. Заменять это право собственной оценкой фактов, находящихся в сфере действия внутригосударственных судов, вне сферы действия Суда. Задача Суда состоит в том, чтобы установить, были ли слушания во всей их полноте, включая способ, которым были предъявлены доказательства, проведены «справедливо» в рамках значения статьи 6 § 1»¹⁶ Европейской конвенции по правам человека (ЕКПЧ)».

Такой термин, [как «справедливый»], на первый взгляд, кажущийся неясным, требует дальнейшей интерпретации – и это именно то, что Европейский суд по правам человека, так же, как и прежняя Комиссия, делали в течение многих десятилетий. Фактически это – широкая формулировка статьи 6 ЕКПЧ (как статья 8 ЕКПЧ), обеспечившая значительное количество работы для Страсбургских учреждений. Большое количество существующего прецедентного права относится к случаям уголовного права, но «требования, присущие понятию «беспристрастного слушания дела», не обязательно являются такими же в делах, касающихся определения гражданских прав и обязательств, так как они касаются дел, связанных с уголовным обвинением.

¹⁵ Европейский суд по правам человека, *Люди против Швейцарии*, жалоба N. 12433/86, Постановление от 15 июня 1992 года, пар. 43; Европейский суд по правам человека, *Шулер-Цграгген против Швейцарии*, жалоба N. 14518/89, Постановление от 24 июня 1993, пар. 66.

¹⁶ Европейский суд по правам человека, *Домбо Бехеер Б.В. против Нидерландов*, жалоба N. 14448/88, Постановление от 27 октября 1993, пар. 31.

Это подтверждено отсутствием подробных положений, таких как § 2 и 3 статьи 6 [...], применяемые к делам первой категории. Таким образом, несмотря на то, что у этих положений есть определенная уместность вне строгих границ уголовного права [¹⁷], у договаривающихся государств есть большая широта, когда речь идет о гражданских делах, касающихся гражданских прав и обязательств, чем когда речь идет об уголовных делах. Однако определенные принципы относительно понятия «беспристрастного слушания дела» в делах, касающихся гражданских прав и обязательств, появляются из судебного прецедентного права. Наиболее значительно для данного случая то, что требование «равенства сторон», в смысле «справедливого баланса» между сторонами, применяется в принципе к таким делам так же, как к уголовным делам [...].^[18] Суд соглашается с Комиссией, что в отношении тяжбы, вовлечения противоположных частных интересов, «равенство сторон» подразумевает, что каждой стороне нужно предоставить разумную возможность представить свои доводы, включая доказательства, при условиях, которые не ставят его в существенно невыгодном положении по отношению к оппоненту. Государственным властям остается гарантировать в каждом отдельном деле, что они отвечают требованиям «беспристрастного слушания дела»¹⁹.

Соответственно, «существенное неудобство [одной стороны] по отношению к [другой стороне указывает на то, что] имело место [...] нарушение статьи 6 § 1»²⁰.

Неоформленная в письменном виде система доказательств права собственности, используемая группами коренного населения, делает трудным для членов этой группы доказательство собственности в правовой системе, которая основана на письменном слове. Язык – основной инструмент, используемый адвокатами, и в то время, как «*quod non est in actis non est in mundo*» (Чего нет в документах, того нет на свете) – всего лишь пословица, этот принцип часто рассматривают равнозначным существующему правовому принципу. Тем не менее, во многих правовых системах суды не связаны полностью представленностью сторон, в то время как Европейский суд по правам человека в общем полагается на представленность сторон, в некоторых делах он даже рассматривал факты собственной исполнительности этого принципа. Но государственные суды могут быть ограничены внутрисударственным правом принятия во внимание представленности сторон. Это не обязательно составило бы нарушение права на справедливый суд.

Когда дело доходит до неписьменных форм свидетельств о владении, можно утверждать, что это может быть рассмотрено как существенно невыгодное условие, ведущее к тому, что может иметь место нарушение права на справедливый суд.

¹⁷ Европейский суд по правам человека, *Альбер и Ле Конт против Бельгии*, жалобы N. 7299/75 и 7496/76. Постановление от 10 февраля 1983, пар. 39.

¹⁸ Европейский суд по правам человека, *Фельдбрюгге против Нидерландов*, жалоба N. 8562/79. Постановление от 26 мая 1986, пар. 44.

¹⁹ Европейский суд по правам человека, *Домбо Бехеер против Нидерландов* (см. сноску 15), пар. 32 и далее.

²⁰ Европейский суд по правам человека, *Домбо Бехеер против Нидерландов* (см. сноску 15), пар. 35.

Можно ли утверждать, что в этом вопросе кто-либо вынуждает коренные народы опираться на неписьменные формы документации? Не является ли это самостоятельным выбором построения доказательств?

Ведь могло бы случиться так, что было затронуто не столько право на справедливый суд, а скорее особые права коренных народов в качестве коренных народов. Учитывая, что Европейская Хартия о правах человека не дает определенной ссылки на права коренных народов, наша история могла бы здесь и закончиться. Но дело обстоит иначе, так как речь идет о современном правовом выборе. Более того, способ построения доказательства соответствовал не современному духу, а духу давно прошедшего времени. Когда мы говорим о текущих требованиях, основанных на старых юридических категориях, этот аргумент не выдерживает критики с тех времен, когда, возможно, понимание существования альтернативных средств представления свидетельств было минимальным, уже не говоря о возможности представить такие формы доказательств. Относительно текущих требований необходимо было отметить, что представленные свидетельства являются скорее примерами фактов, а не юридического выбора. Теперь заявитель претензии, которому приходится полагаться на неписьменные формы доказательств, делает это не потому, что он или она хотят так сделать, а потому, что это – единственная форма доказательств, которые могут быть в его или ее распоряжении.

Вопрос, как сейчас построить новую систему доказательств, является вопросом прав коренных народов, вопросом того, когда и как суд должен признавать старые формы доказательств, созданные коренными народами в прошлом, которые не совместимы с современной правовой системой, вопросом, который прямо касается сферы права на справедливый суд. На сегодняшний день проблема права коренных народов на справедливый суд остается нерешенной.

Следовательно, мы не говорим об отдельном праве в Конвенции, которое бы применялось по отношению к коренным народам, но о применении существующего, четко определенного права, права на справедливый суд в соответствии с Европейской конвенцией по правам человека. Необходимо не столько изменить само право на справедливый суд в свете прав коренных народов, сколько гармонично, соответственно его интерпретировать.

В этом контексте нужно отметить, что есть различие между задачей внутригосударственных судов и тем, что можно ожидать от Европейского суда по правам человека. Прежде всего, государственные суды должны оценить доказательства и их уместность²¹. Более определенно, статья 6 § 3 (d) [...] предоставляет им право снова, как правило, оценивать, уместно ли вызывать свидетелей «автономно» в том смысле, в котором это понятие употребляется в системе Конвенции [22]; это «не требует присутствия и экспертизы каждого свидетеля от имени предъявителя официального

²¹ Европейский суд по правам человека, *Барбера, Мессегуз и Джабардо против Испании*, жалобы N. 10588/83, 10589/83 и 10590/83. Постановление от 1988, пар. 68.

²² Европейский суд по правам человека, *Аш против Австрии*, жалоба N. 12398/86. Постановление от 26 апреля 1991, пар. 25.

обвинения: его существенной целью, которая обозначена словами 'при тех же самых условиях', является полное 'равноправие сторон' в вопросе» [23]»²⁴.

III. Дело Хандольсдалена

В деле Хандольсдалена столкнулись две группы, которые действительно находились в конфликте в течение тысячелетий: заводчики и фермеры, кочующие и оседлые. Этот конфликт так же стар, как и человеческая цивилизация, фактически, он восходит к началу зарождения цивилизации и является одним из самых значительных памятных событий в истории человечества.

«Подавшие иск поселения саамов [(шв. *samebyar*): Хандольсдален, Миттадален, Тассасен и Рувхтен Сийте, последняя ранее известная как Таннас²⁵], находятся в муниципалитете города Харйердален в округе Йамтланд. [...] Саамы с древних времен населяли северную часть Скандинавии и Кольский полуостров. Занятия саамов изначально включали в себя охоту, рыбалку и собирательство, но с течением времени сосредоточились в основном на оленеводстве. Благодаря тому, что использование этой земли сложилось исторически, саамы получили специальное право на эти земельные участки как недвижимое имущество, право оленеводства (*renskötselrätten*). В настоящее время в Швеции оно регулируется Актом Оленеводческого Землепользования (*Rennäringslagen*, 1971:437), который охватывает право на использование земельных и водных ресурсов для поддержания существования самих саамов и их оленей. Это право распространяется только на жителей поселений саамов. Эти поселения являются как географически пастбищами, так и экономическими образованиями. Юридически они не имеют общественный статус (см. Конкама и 38 Других Поселений Саамов Швеции, номер 27033/95, решение Комиссии от 25 ноября 1996 г., Решения и Отчеты 87, стр. 85 в конце). Территория для оленеводства покрывает одну треть площади Швеции и разделена на круглогодичные и зимние пастбища. В определенных частях страны границы оленеводческой территории размыты и не закреплены законом, особенно это касается зимних пастбищ [...]. 20 сентября 1990 г. многие землевладельцы в муниципалитете города Харйердален подали иск в окружной суд (*tingsrätten*) города Свег на пять поселений саамов, четыре заявленных и поселение Идре Нья Саами. 4 июня 1991 г. подобные действия против поселений саами возбудило больше землевладельцев. Землевладельцы в своем иске указывали на деклараторское соглашение (*negativ fastställsetalan*), по которому поселения саами не имели права пасти оленей на их земле без действительного контракта на подобные действия между землевладельцем и поселением».

²³ Европейский суд по правам человека, *Энджел и другие против Нидерландов*, жалобы N. 5100/71, 5101/71, 5102/71, 5354/72 и 5370/72. Постановление от 8 июня 1976, пар. 91; Европейский суд по правам человека, *Брикмонт против Бельгии*, жалоба N. 10857/84. Постановление от 18 декабря 1987, пар. 89.

²⁴ Европейский суд по правам человека, *Видал против Бельгии* (см. сноску 6), пар. 33.

²⁵ Европейский суд по правам человека, *саамское поселение Хандольсдален и другие против Швеции* (см. сноску 2), пар. 1.

В основном, поселения саамов выражали недовольство тем, что они были неспособны предоставить свидетельства, которые шведский закон считал необходимыми для того, чтобы доказать, что они использовали землю с незапамятных времен (*urminnes hdvd*), так как им не предоставили правовую помощь, их право на справедливое судебное разбирательство было нарушено, потому что это ограничило их доступ к суду²⁶. При этом, тем не менее, судебная палата вынесла решение, что право на справедливое судебное разбирательство, связанное с доступностью суда, не было нарушено²⁷, разве что в связи с длительностью судебной процедуры²⁸. Суд ясно постановил, «что Конвенция рассчитана гарантировать практические и эффективные права»²⁹, в частности в контексте статьи 6 Европейского суда по правам человека³⁰. Заявители из Хандольсдалена подали жалобу на чрезмерные судебные издержки (которые могли бы быть меньше, если бы исполнение требований к свидетельствам было проще) и отказ в бесплатной защите в суде³¹. Суд верно решил, что он был обязан «штрафовать удлинение срока, в который заявители были способны представить свои дела, несмотря на все судебные издержки»³². Тем не менее, судебная палата постановила, что заявители все же юридически представили свои интересы и имели возможности для апелляции³³, и что имели место судебные разбирательства с противной стороной³⁴. В заключение суд принял решение, что «принцип, по которому заявители построили свою защиту, не отражает то, что они не были способны должно представить свое дело»³⁵, и что «и поселения саамов, и землевладельцы представили обширное число свидетельств, и не было указаний, что заявителям было запрещено судом предоставить все имеющиеся вещественные доказательства, которые они посчитали относящимися к делу»³⁶.

²⁶ Европейский суд по правам человека, *саамское поселение Хандольсдален и другие против Швеции* (см. сноску 2), пар. 49.

²⁷ Европейский суд по правам человека, *саамское поселение Хандольсдален и другие против Швеции* (см. сноску 2), после пар. 74, пар. 1.

²⁸ Европейский суд по правам человека, *саамское поселение Хандольсдален и другие против Швеции* (см. сноску 2), после пар. 74, пар. 2.

²⁹ Европейский суд по правам человека, *саамское поселение Хандольсдален и другие против Швеции* (см. сноску 2), пар. 51.

³⁰ Европейский суд по правам человека, *саамское поселение Хандольсдален и другие против Швеции* (см. сноску 2), пар. 51.

³¹ Европейский суд по правам человека, *саамское поселение Хандольсдален и другие против Швеции* (см. сноску 2), пар. 53.

³² Европейский суд по правам человека, *саамское поселение Хандольсдален и другие против Швеции* (см. сноску 2), пар. 56.

³³ Европейский суд по правам человека, *саамское поселение Хандольсдален и другие против Швеции* (см. сноску 2), пар. 57.

³⁴ Европейский суд по правам человека, *саамское поселение Хандольсдален и другие против Швеции* (см. сноску 2), пар. 58; в тесной связи с правом на справедливое судебное рассмотрение и состязательную процедуру см. Pieter van Dijk / Fried van Hoof / Arjen van Dijk / Fried van Hoof / Arjen van Rijn / Leo Zwaak (eds.), *Theory and Practice of the European Convention on Human Rights*, 4th ed., Intersentia, Antwerpen / Oxford (2006), p. 580.

³⁵ Европейский суд по правам человека, *саамское поселение Хандольсдален и другие против Швеции* (см. сноску 2), пар. 57.

³⁶ Европейский суд по правам человека, *саамское поселение Хандольсдален и другие против Швеции* (см. сноску 2), пар. 58.

Последнее является бессмысленным. Для того, чтобы имело место нарушение статьи 6 Европейского суда по правам человека, не обязательно, чтобы суд запретил заявителям представить на рассмотрение все свои свидетельства. Также может быть, что по своей сути само свидетельство, требуемое законом, может сделать невозможной или по крайней мере сложной для другой стороны защиту своих прав в суде. В Хандольсдалене Европейский суд по правам человека вынес решение, что заявители имели «приемлемую возможность эффективно представить свое дело перед национальным судом, и что не было такой разности в вооружении в отношении землевладельцев, чтобы обращаться к статье 6 § 1 Конвенции»³⁷.

Этот вывод кажется сомнительным в нескольких отношениях. Для начала, остается неясным, были ли заявители в этом деле действительно способны представить не только те свидетельства, которыми они располагали, а фактически свое дело эффективно. Также эффективное представление своего дела требует, чтобы вы имели реальный доступ ко всем свидетельствам, которые необходимы. Если факт, который вам необходимо доказать, не может быть доказан с имеющимися записями, и если просто нет свидетельств того, что этот факт на самом деле имел место быть, то судебное разбирательство может быть неэффективным, как и потенциального свидетельства недостаточно, чтобы доказать факт. Более того, возможно сам суд допускает некоторую степень неравности сторон. В то время как совершенное равенство сторон редко когда может быть достигнуто; в этом деле суд допустил превышение приемлемого порога нарушения права на справедливый суд. Здесь стоит ознакомиться с особым, в некоторой степени, мнением судьи Зимель. Она разъясняет, что суд в своем решении основывался на неверных предпосылках: «Во-первых, был принят бесспорным тот факт, что истцы по внутренним делам имели законное право собственности. Во-вторых, было принято, что правила о бремени доказывания, как установлено в Швеции в старом Земельном кодексе 1734 года, то есть задолго до появления какого-либо признания коренных народов, отлично регулировали ситуацию. Этот подход исключил соображения, касающиеся определенного контекста ситуации и прав местных народов, насколько он мог иметь отношение к проблеме эффективного доступа к суду»³⁸. Судья Зимель продолжает, описывая более подробно, что фактически ожидалось от истцов; и стоит процитировать ее более детально, так как «согласно стандарту, принятому в соответствии с законодательством, и растолкованному судом по семейному праву, поселения саами были обязаны предоставить старые записи и документы, которые закон посчитал бы достаточными или свидетельские показания, что они использовали эту землю с незапамятных времен»³⁹.

³⁷ Европейский суд по правам человека, *саамское поселение Хандольсдален и другие против Швеции* (см. сноску 2), пар. 59.

³⁸ Европейский суд по правам человека, *саамское поселение Хандольсдален и другие против Швеции* (см. сноску 2), частное мнение судьи Зимель, пар. 5.

³⁹ Европейский суд по правам человека, *саамское поселение Хандольсдален и другие против Швеции* (см. сноску 2), частное мнение судьи Зимель, пар. 6.

Как могли быть приняты «свидетельские показания» о любом пользовании земли с незапамятных времен как достаточные, остается неясным. Судья Зимель высказывает то же самое беспокойство и ссылается⁴⁰ на Международную конвенцию о ликвидации всех форм расовой дискриминации⁴¹. Она подчеркнула, что бремя доказывания «лежит исключительно [42] на саами»⁴³ и пришла к заключению, что в этом и было дело, «так как целая система предполагает, что землевладельцы имеют право, и они ничего не должны доказывать»⁴⁴. С точки зрения современного национального государства это действительно имеет место, поскольку собственность считается более ценной, чем простое право пользования землей. Правопорядок в большинстве стран основан на аграрных, а не кочевых понятиях общества. Поэтому для современного национального государства не имеет значения, для кого земля более необходима. Важен статус, который как-либо был зарегистрирован. Следуя этой концепции, землевладелец, у которого нет реальной необходимости в земле, кто не использует ее, кто мог бы использовать ее в спекулятивных целях или не воспользуется ею вообще, имеет больше прав на землю, обоснованных на регистрации в общественном регистре, чем кочевой пастух, чьи предки пасли животных на той же самой земле каждый год в течение сотен лет. В соответствии со шведским законом, последнее должно быть доказано, в то время как письменные протоколы о праве собственности являются узаконенным козырем на пользование. Права на пользование рассматриваются как исключение из прав владения, но не как что-то, что может умалить права владельца. Владелец земли остается владельцем, даже если у кого-то другого есть право на пользование. Но то же самое нельзя сказать и о пользователе. Может оказаться так, что потенциальному пользователю будет отказано на основании права собственности землевладельца. Нельзя сказать, что собственность как юридическая категория не имеет значения – конечно, имеет, фактически это непредотвратимо. Но проблема права собственности и права землепользования остается актуальной даже спустя тысячи лет после того, как этот конфликт впервые возник. В деле олениводов саами из Швеции, передавших свое дело в Европейский суд по правам человека, к нарушению статьи 6 ЕКПЧ и привело данное юридическое положение, которое может быть весьма характерно для большинства, если не для всех современных национальных государств, объединенных общим принципом, по которому сторона в споре, желающая полу-

⁴⁰ Европейский суд по правам человека, *саамское поселение Хандольсдален и другие против Швеции* (см. сноску 2), частное мнение судьи Зимель, пар. 7.

⁴¹ UN Doc. CERD/C/SWE/CO/18, пар. 19 и далее, ссылаясь на Европейский суд по правам человека, *саамское поселение Хандольсдален и другие против Швеции* (см. сноску 2), частное мнение судьи Зимель, пар. 7.

⁴² Слово специально подчеркнуто в оригинальном тексте частного мнения судьи Зимель в Европейском суде по правам человека, *саамское поселение Хандольсдален и другие против Швеции* (см. сноску 2), частное мнение судьи Зимель, пар. 10.

⁴³ Европейский суд по правам человека, *саамское поселение Хандольсдален и другие против Швеции* (см. сноску 2), частное мнение судьи Зимель, пар. 10.

⁴⁴ Европейский суд по правам человека, *саамское поселение Хандольсдален и другие против Швеции* (см. сноску 2), частное мнение судьи Зимель, пар. 10.

чить выгоду, обязана предоставить необходимые доказательства. Истцы не смогли добиться справедливого суда, так как вопреки точке зрения большинства судей, которые обязаны были решить это дело, возникло существенное неравенство сторон. Таким образом, судья Зимель сделала вывод, «что доступ истцов к правосудию был затруднен. Он не мог быть предоставлен до тех пор и пока сам подход к решению подобных земельных споров не пересмотрен так, чтобы учитывать права и особое положение коренных народов»⁴⁵. Факт того, что истцам из Хандольсдалена не хватало необходимого объема финансовых ресурсов для представления дела, только послужило признаком отсутствия справедливого судопроизводства⁴⁶.

IV. Уроки для поверенных, перспективы и выводы

В последние годы, в том числе благодаря новой философии права в шведском судопроизводстве, понятие пользования определенной частью земли с незапамятных времен стало более конкретным. В настоящее время достаточным может считаться период в 90 лет. В деле Нордмалинга в 2011 г.⁴⁷ саами добились первой победы в Верховном суде Швеции. В Нордмалинге суд постановил, что права на зимний выпас регулируются только обычным правом, что означает, что срока в 90 лет доказанного пользования может быть достаточно⁴⁸. Однако для круглогодичного выпаса все еще необходимо доказать пользование с незапамятных времен.

Казалось бы, что благодаря этому решению Европейского суда по правам человека ситуация в Швеции несколько улучшилась, но, тем не менее, истцы по делу Хандольсдалена разделяют подобную судьбу со многими другими группами коренных народов. В современных внутренних правовых системах коренные народы все еще, по крайней мере на один шаг, позади оседлого большинства, если национальная правовая система решает в пользу культуры большинства.

В наше время, благодаря публичным актам, по крайней мере в Швеции, это должно значительно облегчить оленеводам саами доказательство своего право собственности.

Из дела Хандольсдален против Швеции можно заключить, что истцы, как оказалось, совершают ключевую ошибку, которая как закономерна, так и предотвратима: по моему мнению, они уделяют слишком много внимания финансовым аспектам, бросая вызов правительству. Конечно, истец зачастую может иметь лучшее положение (хоть и не обязательно всегда), если для представления судебного дела ему доступно большее финансирование. Кроме того, истцы не ставили достаточного акцента на понятии прав группы. Идея о том, что Европейская конвенция по правам

⁴⁵ Европейский суд по правам человека, *саамское поселение Хандольсдален и другие против Швеции* (см. сноску 2), частное мнение судьи Зимель, пар. 10.

⁴⁶ Европейский суд по правам человека, *саамское поселение Хандольсдален и другие против Швеции* (см. сноску 2), частное мнение судьи Зимель, пар. 10.

⁴⁷ Верховный суд Швеции (Högsta domstolen), *Барлунд и другие против Саами Ранса и других* (дело Нордмалинга), дело N. T 4028-07. Постановление от 27 апреля 2011 г.

⁴⁸ Кристина Аллард, Обзор дела: *Шведское дело Нордмалинга* <http://munin.uit.no/bitstream/handle/10037/4101/article.pdf?sequence=1>.

человека может также касаться прав группы, не нова. Основные предпосылки конвенции базируются, но не ограничиваются, на понятии прав личности. Тем не менее, из этого следует, что среди поверенных еще нет полного понимания подхода к правам человека, основанного на группе. Это не удивительно, так как европейский закон о правах человека (в отличие от закона о правах человека в Африке) сосредоточен на личности, а не на группе.

Эти проблемы можно выразить в одном вопросе, который заключается в том, какой юридический аргумент станет следующим на слушаниях в Европейском суде по правам человека. До сих пор ошибка истцов касалась не материального закона, а скорее стратегии судебного разбирательства. Истцы могли, и им следовало бы придерживаться обеих аргументаций, а не только одной.

В целом, право на эффективную защиту заслуживает большего внимания от поверенных. В то время как юридическая ситуация в Швеции была улучшена, где-то это может оставаться проблемой. Поверенным, представляющим клиентов, которые могли оказаться в уязвимом положении как коренные народы в вопросах землепользования, стоило бы уделить больше внимания этому решающему аспекту Европейской конвенции по правам человека.

УДК 910 (98)

Нюргун МАКСИМОВ

АРКТИКА В XXI ВЕКЕ: ИНТЕРЕСЫ РОССИИ И КИТАЯ

ARCTIC ON XXI CENTURY: CHINA'S AND RUSSIAN INTERESTS

Материалы статьи были представлены на Всероссийской научно-практической конференции «Географические исследования Якутии: история, современность и перспективы», посвященной 100-летию со дня создания Якутского отдела Императорского Русского географического общества (21-22 августа 2013 г.).

В XXI столетии возрастает стратегическое значение Арктики и её ресурсов, что находит своё отражение в арктических стратегиях других стран мира. Китай присоединяется к числу государств, проявляющих интерес к Арктике как к источнику энергоресурсов и транспортному коридору, связывающему Азию с Европой. Несмотря на то, что Китай не относится к приарктическим странам, а, следовательно, не имеет прав на обладание природными ископаемыми океанского шельфа, официальный Пекин создает политические и правовые условия для будущей деятельности в Арктике. Пока же опасения КНР, судя по некоторым заявлениям китайских экспертов, связаны с расширением присутствия России в Арктике и ее исключительными правами на проход по Северному морскому пути.

21st century is faced with the increasing role of the Arctic and its resources which is obvious in the arctic strategies of other countries of the world. China is joining the states which show colossal interest in the Arctic as a source of energy resources and a transportation corridor connecting Asia and Europe. Although China is not the Arctic region and, therefore, has no rights for its resources, Beijing is now creating political and legal conditions for future activities in the Arctic. Meanwhile, some experts believe that China is being concerned about Russia's expanding role in the Arctic and its exclusive rights to the North Sea Route.

Особое геополитическое положение, огромный ресурсный потенциал и планетарное экологическое значение Арктики делают ее регионом особых стратеги-

ческих интересов ведущих стран мира в XXI веке. Открытие в Арктике богатейших запасов природных ресурсов и возможность появления там новых глобальных торговых маршрутов обусловили переоценку геополитического значения Арктики и привлекли к ней внимание многих влиятельных государств мира, а отсутствие признанной и нормативно оформленной демаркации морских пространств и шельфа лишь способствуют нарастанию геополитических и геоэкономических противоречий в Арктике. Согласно прогнозам ряда экспертов, в этом районе ориентировочно сосредоточена четверть мировых запасов углеводородов. А по уточненным оценкам американских геологов, в арктическом бассейне сосредоточено до 13 процентов неоткрытых запасов нефти и 30 процентов мировых запасов газа, а также крупные месторождения прочих видов энергоресурсов, цветных, благородных металлов и значительные биоресурсы [1].

Стремительное таяние арктического ледового панциря, долгое время скрывавшего практический интерес к этому региону, отныне становится приоритетным фактором. По данным Института океанологии Российской академии наук, в последние несколько лет площадь полярных льдов стала на треть меньше, чем десять лет назад. По некоторым оценкам, через 10-30 лет Арктика может стать судоходной, по крайней мере, в летний период. Столь существенные изменения климатических условий побуждают самые разные страны планировать и даже реализовывать свое активное присутствие в этих северных широтах [2].

Кроме традиционных держав, имеющих прямой выход к Северному Ледовитому океану и входящих в межправительственный форум «Арктический совет» (Россия, США, Канада, Дания, Норвегия, Исландия, Финляндия и Швеция), все увереннее свои амбиции на освоение арктического бассейна проявляет Китай. Несмотря на отсутствие прямого выхода в Арктику и территориальную непричастность, Китай уже получил статус постоянного наблюдателя в «Арктическом совете», что даст ему определенные политические рамки и правовую основу для освоения региона. Напомним, что целью Арктического совета, созданного в 1996 г., было заявлено сотрудничество и взаимодействие в области устойчивого развития региона и охраны окружающей среды. Подобная активность Китая далеко не однозначно воспринимается мировым сообществом. Например, по заявлению датского посла в Пекине Фриис Арне Петерсона, Китай «имеет в Арктике законные экономические и научные интересы», а президент Исландии Олавур Рагнар Гримссон полагает, что Китай занимает крайне важное положение в мировой экономике и должен принимать «активное участие» в делах арктического региона, тогда как в Канаде убеждены, что он «угрожает суверенитету» арктических стран. Авторитетные китайские эксперты также не отрицают все более возрастающее торгово-экономическое, геополитическое и военно-стратегическое значение Арктической зоны для Китая. «Тот, кто контролирует Арктику, будет контролировать мировую экономику и новый международный стратегический коридор», – предупреждал Ли Женьфу из Морского университета Даляня в опубликованной в 2009 г. статье. Одно из заявлений принадлежит контр-адмиралу Инь Чжо, который высказал мнение, что «Арктика принадлежит всему миру, так что ни

у одного народа нет над ней единоличной власти». Похожее заявление было сделано научным сотрудником Шанхайского института международных исследований Чэном Баочжи. По его словам, «невообразимо представить, чтобы неарктические государства оставались пользователями арктических морских маршрутов и потребителями энергоресурсов Арктики без возможности участия в процессе принятия решений, так что конец монополии циркумполярных держав в арктических вопросах становится абсолютной необходимостью» [4]. О серьезности намерений Китая также говорит наличие в его структуре органов власти особой Арктической и Антарктической администрации (Chinese Arctic and Antarctic Administration), которая отвечает за выполнение научных программ в Арктике.

Данные факты и неоднозначные мнения экспертов заставляют всерьез задуматься о реальных интересах, стратегии, ресурсном потенциале и перспективах арктической политики Пекина.

Интерес КНР к природным ресурсам Арктики обусловлен, по меньшей мере, двумя обстоятельствами – относительным дефицитом таковых в Китае (по общему минерально-сырьевому потенциалу он уступает России не менее чем в 15 раз) и, напротив, богатством арктических природных недр [6].

В стремлении расширить свое влияние на арктическую зону Китай применяет разные подходы, в том числе т.н. инструменты «мягкой силы» – способности добиваться желаемых результатов на основе добровольного участия, симпатии и привлекательности, в которой Китай значительно преуспел за последние годы. Наука при этом остается ключевым фактором влияния Китая в Арктике.

Программа арктических научных исследований Китая является одной из самых диверсифицированных и комплексных национальных программ в мире. Она щедро финансируется государством и обеспечена высококвалифицированными специалистами и самыми современными техническими средствами.

На сегодняшний день уже можно назвать основные направления и некоторые конкретные проекты, которыми занимаются китайские НИИ и практические организации в сфере разработки и начальной стадии реализации общей стратегии Китая в Арктике [5]:

- природные ресурсы Арктики, их изучение, геологоразведка и технологии промышленного освоения;
- морские пути и транспортные перевозки в арктическом регионе;
- арктические экспедиции Китая;
- участие в международных научно-экспертных дискуссиях по проблемам Арктики;
- Арктика в международном законодательстве, международно-правовая деятельность Китая по уточнению и институализации юридического статуса Арктики;
- политика и дипломатия в отношении Арктики и полярных стран, совместное со странами-партнерами освоение региона;
- военно-стратегическая ситуация, перспективы и формы военного присутствия КНР в Арктике.

В числе конкретных активно реализуемых проектов по указанным выше направлениям можно, в частности, назвать комплексный проект «Арктическая экспедиция», который включает в себя: во-первых, осуществление регулярных экспедиций в Северный Ледовитый океан на собственном ледоколе «Сюз Лун», купленном в 1993 г. у Украины (такие экспедиции состоялись в 1998, 2003, 2008, 2010, 2012 гг., и еще три арктические экспедиции запланированы до 2015 г.); во-вторых, работу на первой и пока что единственной постоянно действующей полярной научно-исследовательской станции «Хуанхэ» (основана в 2004 году), расположенной на арендованной у Норвегии территории на архипелаге Шпицберген.

Китай уже приступил к строительству собственного ледокольного флота. По сообщению заместителя главы Канцелярии полярных исследований Государственного океанологического управления КНР Вэн Лисиня, уже в 2014 г. Китай спустит на воду первый полярный ледокол отечественного производства, способный на длительные автономные плавания. Судно будет оборудовано роботами и батискафами для исследования дна океана [6]. В то же время с кораблями подобного класса остальные державы вроде Дании, США и России испытывают проблемы. Кроме того, к 2015 г. Китай рассчитывает обзавестись специальной авиацией, способной приземляться на Северном полюсе. Параллельно китайская сторона быстрыми темпами модернизирует базу проведения арктических исследований, перестраивая ледокольный порт в Шанхае и возводя новые корпуса для обработки данных, хранилищ полярного льда и др. [1].

Однако Пекин не ограничивается лишь научной стороной и активно ведет политическую работу. В 2000-2010-х гг. Китай заметно активизировал свои дипломатические усилия на арктическом направлении, занимаясь, в частности, поиском стран-партнеров по освоению региона, прежде всего, из числа восьми полярных стран, входящих на правах постоянных членов в Арктический совет. Официальный диалог и сотрудничество по вопросам добычи энергоресурсов, а также грузоперевозок в полярных широтах КНР ведет с Норвегией, Канадой, Исландией, Данией.

Верность арктической стратегии лишней раз продемонстрировал визит премьер-министра Китая Вэнь Цзябао в Исландию и Швецию в апреле 2012 г., ставший заметным прорывом КНР на арктическом направлении. Китайская сторона даже и не скрывала его целей, открыто признав, что ее интересует совместное с этими странами освоение Арктики. Ее даже не смутил прошлогодний провал, связанный с отказом официального Рейкьявика продать китайскому миллиардеру Хуан Нубо земельный участок площадью 300 кв. км на северо-востоке Исландии за 100 млн долларов «для строительства элитного курорта с полем для игры в гольф». Выбор стран для визита был не случаен: Исландия была нужна Пекину как плацдарм для создания новой арктической базы после резкого ухудшения отношений с Норвегией в связи с присуждением Нобелевской премии мира диссиденту Ли Сяобо в начале 2010 г., а позиция Швеции как председателя Арктического Совета имела для Китая не менее важное значение [1]. Именно при поддержке арктических стран-партнеров Китай на восьмой министерской сессии Арктического совета в мае 2013 г. получил статус

постоянного наблюдателя, которого добивался с 2009 г. Статус постоянного наблюдателя дает Китаю политические обоснования и правовую основу для практического освоения арктического региона.

Китай заинтересован не только в перспективе получения контроля над частью сырьевых запасов практически нетронутой Арктики, но и в активизации судоходства через Северный морской путь (далее – Севморпуть), проходящий по морям Северного Ледовитого океана. Такое плавание из Шанхая до Гамбурга через расположенный между Восточной Сибирью и Аляской Берингов пролив будет на 6400 км короче классического маршрута через Индийский океан и Суэцкий канал. Более того, его удешевляет и отсутствие рисков вроде пиратства, которое особенно сильно угрожает китайским кораблям в районе Малаккского пролива и Аденского залива у берегов Африки. По оценке китайских экспертов, один арктический рейс контейнеровоза или сухогруза может сэкономить от 0,5 до 3,5 млн долларов и сократить время доставки грузов на 40% [2]. Поэтому этот путь по судоходной Арктике способен полностью изменить всю мировую торговлю. Китайская экономика весьма сильно зависит от внешней торговли и в связи с этим несложно предположить, что Пекин будет всячески добиваться для себя возможности получить новый морской путь.

Очевидно, что в обозримом будущем арктические исследования Китая будут идти по нарастающей, поскольку научные, экономические, технические и военные возможности у Китая уже есть и год от года они будут только увеличиваться.

Таким образом, для сохранения своих законных позиций и политических прав в Арктике, России и другим арктическим странам придется брать во внимание не только растущую экономическую мощь Китая, но также и его растущие интересы в освоении арктической зоны. Сейчас Пекин открыто не предъявляет своих явных политических претензий на Арктику, что и понятно: чрезмерная активность может лишь спровоцировать соответствующие претензии со стороны других неарктических держав. Так что пока активных агрессивных действий или каких-либо иных мер со стороны Китая на этом направлении ожидать не стоит.

С одной стороны, как уже говорилось выше, Китай добивается выгодных для себя условий, активно работая с арктическими странами. С другой стороны, он не против воспользоваться противоречиями между этими странами. И, разумеется, здесь нельзя не упомянуть Россию.

Арктика всегда была традиционной сферой российских интересов. Россия проявляла интерес к Арктике еще в те времена, когда о ресурсном богатстве ее шельфа и изменении климата не было и речи. Для России она столетиями оставалась неотъемлемой частью ее хозяйственных и политических интересов, средой обитания значительного числа российских граждан. Именно в Советском Союзе было положено начало освоению и активной эксплуатации Севморпути [3].

Россия, в свою очередь, преследуя собственные интересы в Арктике, скорее всего, поддержит стремление Китая к исследованиям в Арктике. В 2014 г. России предстоит доказать в специальной комиссии ООН принадлежность хребта Ломоносова и поднятия Менделеева континентальному шельфу России, и поддержка со

стороны дружественного Китая придется как никогда кстати. В случае положительного решения комиссии, Россия сможет расширить свою территорию в Арктике до 350 морских миль вглубь океана. Право России на оспаривание континентального шельфа дает присоединение к Конвенции ООН по морскому праву (1982 г.) в 1997 г., участниками которой являются все арктические государства за исключением США. В соответствии с данной Конвенцией, все прибрежные арктические государства, включая Россию, распространили свою юрисдикцию на арктический шельф и исключившую экономическую зону в Северном Ледовитом океане шириной 200 морских миль, разделив между собой в рамках этих зон природные богатства в Арктике [3].

Однако, как отмечают эксперты: в Китае попытки России доказать свои права в соответствии с Конвенцией ООН по морскому праву на часть арктического шельфа воспринимаются негативно. Профессор Го Пэйцин из Китайского университета океана даже заявил, что споры в Арктике вокруг прав на шельф – это вызов, который бросают международному порядку и международному праву Россия и некоторые другие государства после окончания холодной войны [1]. Китай и остальные страны мира окажутся в невыгодном положении, если претензии России на подводную территорию между хребтами Ломоносова и поднятия Менделеева будут узаконены, поскольку в этом случае одна Россия получит право распоряжаться ресурсами в этом районе. Сейчас Китай внимательно отслеживает все действия России в Арктике: о чем свидетельствуют регулярные аналитические публикации в новостных лентах агентства «Синьхуа» и газеты «Жэньминь Жибао».

В настоящее время также весьма интенсивно обсуждаются вопросы о свободе навигации по Севморпути и интернационализации управления им. Для России Севморпуть – это пока единственный транспортный путь, способный интегрировать отдаленные районы Крайнего Севера страны и их ресурсный потенциал в национальную и мировую экономику.

Китай надеется, что Россия будет более открытой в исследованиях морской среды Арктики и будет беспрепятственно давать разрешение китайским кораблям проходить вдоль берегов российской территории по Севморпути [7]. Россия также проявляет взаимный интерес к научному потенциалу арктических исследований Китая. «Очень важно, чтобы Россия и Китай вели совместное научное исследование в Арктике. В настоящее время еще большая часть территории Арктики не разведана», – заявил заместитель директора Института географии РАН, заместитель председателя Московского городского отделения Русского географического общества Аркадий Тишков.

Таким образом, в августе 2012 г. в ходе Пятой арктической экспедиции ледокол «Сюэ Лун» первым из китайских судов прошел по Севморпути вдоль побережья России. Начало коммерческого использования Севморпути Китаем было положено уже в августе 2013 г. – первое китайское торговое судно отправилось с грузом в Европу из порта в г. Даляне. По оптимистичным китайским прогнозам, к 2020 г. по арктическому маршруту может пройти от 5% до 15% китайского внешнеторгового грузопотока в виде контейнерных перевозок [2]. В то же время часть китайских экспертов не

верит в настоящую эксплуатацию Севморпути по крайней мере в будущем 20 лет. По их мнению, в районе Северного Ледовитого океана очень тяжелый и сложный климат, тем более, что на Севморпути отсутствует необходимая портовая инфраструктура, развитие которой требует длительного времени, усилий и инвестиций [1].

Китай готов совместно с Россией участвовать в освоении Арктики своими финансовыми инвестициями. Эти вопросы частично обсуждались во время государственного визита в Москву председателя КНР Си Цзиньпина в марте 2013 года. Тогда же Китайская национальная нефтегазовая корпорация (CNPC) и «Роснефть» подписали соглашение о сотрудничестве в изучении нефтяных и газовых месторождений на арктическом шельфе в Баренцевом и Печорском морях, общие запасы которых оцениваются в 1,7 млрд тонн нефти и 2 трлн кубометров газа.

Китайские инвесторы также выразили готовность вкладывать средства в строительство нового глубоководного морского торгового порта в г. Архангельске, а по сведениям администрации Архангельской области, китайские компании заинтересованы инвестировать в строительство железнодорожной магистрали Белкомур (Белое море – Коми – Урал), которая на 800 км сократит путь из Сибири до Белого моря и откроет новые возможности для грузоперевозок с Дальнего Востока в Европу [2].

Россия как крупнейшая по территории и минерально-ресурсным запасам мировая держава, как одна из арктических стран имеет уникальную возможность использовать для полномасштабного освоения данных запасов, в условиях дефицита собственных средств, избыточные финансовые, технологические и прочие ресурсы Китая, привлекая его, в частности, к совместной разработке месторождений углеводородов на российском арктическом шельфе, к модернизации существующих и строительству новых международных морских портов на всем протяжении Севморпути [5].

В настоящее время арктическое партнерство России и Китая находится на самой ранней стадии: никаких официальных заявлений на уровне правительств по поводу совместных действий в регионе пока сделано не было. Однако уже сейчас можно достаточно четко определить содержание будущего арктического сотрудничества двух стран [4].

Главное место в списке приоритетов занимает освоение Северного морского пути китайскими судоходными компаниями, старт которому был уже дан в период летней навигации 2013 г.

На втором месте стоит привлечение китайских добывающих компаний к освоению углеводородных ресурсов шельфа российской Арктики. Этот вопрос уже обсуждался на уровне глав государств в марте 2013 года.

Другие перспективные направления арктического сотрудничества России и Китая – привлечение китайских инвестиций к инфраструктурному развитию Арктики, освоение и экспорт на рынки Азиатско-Тихоокеанского региона дефицитных полезных ископаемых, сосредоточенных в пределах Арктической зоны Российской Федерации.

Литература

1. *Балмасов, С.* Китай в Арктике: союзник или противник России? [Электронный ресурс] / Электронное периодическое издание «Аргументы.ру». – М., 2012. – Режим доступа: <http://argumentiru.com/world/2012/05/176411?type=all/>, свободный. – (дата обращения: 02.08.2013).

2. *Дмитриев, В.* Лед тронулся. Через Арктику может пройти новый Великий шелковый путь из Китая в Европу [Электронный ресурс] // Российская газета. – М., 2013. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2013/05/31/led.html>, свободный. – (дата обращения: 02.08.2013).

3. *Воронков, Л.* Интересы России в Арктике [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам. – М., 2012. – Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=732#top, свободный. – (дата обращения: 10.08.2013).

4. *Тулупов, Д.* Членство Китая в Арктическом совете [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам. – М., 2013. – Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1986#top, свободный. – (дата обращения: 10.08.2013).

5. *Карлусов, В.* Арктический вектор глобализации Китая [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам. – М., 2012. – Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=244, свободный. – (дата обращения: 10.08.2013).

6. Китай: первый отечественный полярный ледокол вступит в строй в 2014 году [Электронный ресурс] / Агентство «Синьхуа». – Пекин, 2012. – Режим доступа: <http://russian.people.com.cn/31517/7780898.html>, свободный. – (дата обращения: 14.08.2013).

7. Потенциал научного сотрудничества между Китаем и Россией в исследовании Арктики большой [Электронный ресурс] / Жэньминь Жибао. – Пекин, 2011. – Режим доступа: <http://russian.people.com.cn/31517/7579662.html>, свободный. – (дата обращения: 14.08.2013).

УДК 908(470-17)

Анна ШТАММЛЕР-ГОССМАН

ЧТО ТАКОЕ СЕВЕР? КОНЦЕПЦИЯ РОССИЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА

WHAT IS THE NORTH? CONCEPT OF SPACE IN RUSSIA

В статье, опираясь на географические, ментальные и социальные характеристики, приписываемые Северу, анализируется понимание Севера России как пространственной категории. Обобщаются основные тенденции в концептуализации пространства в современном общественном, научном и политическом дискурсе. Эмпирический материал, собранный в ряде северных регионов России (Мурманская область, Ямал, Республика Саха (Якутия) и Камчатка), дает возможность оценить потенциал российской северной общности на национальном и региональном уровнях.

This article analyses the understanding of the North in Russia as a spatial category, drawing on geographic, mental and social characteristics, attributed to the North. In doing so, the paper refers to the main tendencies in the conceptualization of space as reflected in recent public, academic and political discussions. Empirical material from different northern Russian regions (Murmansk region, Yamal, Republic of Sakha Yakutia and Kamchatka) gives the possibility to evaluate the potential of a promoted Russian northern commonality on the national and regional level.

Введение

Наверное, не случайно, что понятие Север в России используется также и во множественном числе – «Севера». На вопрос о том, что такое Север и где он находится сегодня, ответить не так легко: есть Север Русский, Европейский, Заполярный (Заполярье), Крайний, «Бескрайний», есть «территории, приравненные к Крайнему Северу», есть категория «остальные районы Севера». Поиски ответа осложняются новой динамикой глобальных интеграционных процессов, которые раздвинули лексикон Севера до понятий *Глобальный*, *Геостратегический*, *Циркумполярный Север*, *Арктосфера*, *Гиперборея*.

Двигаясь в направлении общей геопространственной инфраструктуры, Россия впервые в своей истории все чаще манифестирует себя как северная страна. Возросшее значение Севера как активного геополитического пространства вызвало политический и общественный энтузиазм вокруг северной тематики, которое основательно переворачивает привычный ракурс представления о Севере. Выражения «Россия – северная страна», «более 60% российской территории находится на Севере» все больше становятся дежурным аргументом в политических и академических дебатах. «Северность» России дискутируется сегодня даже как возможная альтернатива в поисках еще не найденной общей национальной идеи взамен утерянной идентичности «советский народ».

Дискуссии о том, что такое Север, неизбежно приводят к другому фундаментальному взаимосвязанному вопросу, где находится Север. В течение десятилетий многие научные дисциплины пытались внести свой вклад в определение понятий о северных границах. Тем не менее, до сих пор применение этих различных понятий к общему термину «Север» может привести к замешательству.

Где находится Север России и где проходят его границы, это не только вопрос географической перспективы, но и вопрос теоретических концепций и практических последствий. Термин «северный» выступает в современной международной риторике как важный объединительный фактор северных регионов и на сегодня чаще подразумевает в рамках ЕС «европейский». Эта глобальная динамика все более переносит политические границы Российского Севера как геостратегического региона на Запад, где Баренцев регион и Западная Сибирь становятся возможными ключевыми районами будущих ресурсных конфигураций.

В то же время вопрос северных линий усложняется тем фактом, что после распада Советского Союза и отделения его западных и южных регионов можно однозначно говорить о действительном смещении российских границ на север и на восток. Сегодняшний географический центр страны, который находился в Советском Союзе в Ханты-Мансийском округе, значительно передвинулся в северо-восточном направлении – в Эвенкийский округ Красноярского края. В категориях же районирования Севера, его границы продвинулись на юг.

В обыденном же восприятии Севера доминантной остается картина о холодном, удаленном, слабозаселенном и маргинальном пространстве, которое находится в стороне от основных общественных потоков.

В данной статье я рассматриваю понятие Севера в России в категориях географического, ментального и социального пространства. Я идентифицирую основные тенденции в конструировании северного пространства в активно дебатированных в последнее время теоретических и политических концепциях и прослеживаю их соотношение с категориями пространственной идентичности как в российской реальности в целом, так и в региональном контексте. Анализ понятия Север в категориях пространства дает возможность оценить потенциал культивируемой общности вдоль северных линий и сравнить с другими пересекающимися опциями. Данное

исследование базируется на анализе интенсивно разрабатываемых сегодня политических и теоретических концепций Севера и эмпирического материала из северных регионов России (Мурманской области, Ямала, Республики Саха (Якутия) и Камчатки).

Теоретические размышления

В своей знаменитой теоретической работе «Production of space» Лefевр (Lefebvre, 1991) рассматривает пространство в его стартовой триаде – природное, ментальное и социальное пространство – и его онтологические трансформации, такие, как, например, «пространство обитаемое, воспринимаемое и представленное (репрезентативное)».

Природное пространство представляется, как правило, через физические, физиологические и биологические характеристики и включает местоположение, климат и т.д. Природа создает, но не производит – она только поставляет или обслуживает находящиеся в обороте ценности (Lefebvre, 1991). Ментальное пространство рассматривается на уровне дискурсов, языка, логических и формальных абстракций, образов и знаков, а так же, как набор практических резонансов. Это пространство философов (Lefebvre, 1991), рефлексий, чувств, выражения самих себя, открытости для экспериментов и отношений (Young, 1994). Север можно воспринимать как «культурную конструкцию, так и как пространство, которое произведено людьми и их практиками» (Ingold, 2000: ch. 11). Говоря о социальном пространстве, Лefевр подчеркивает его нелимитированное разнообразие. Создание пространства, это процесс и одновременно продукт, результат процесса, а также воспроизводство, то есть материализация «социального бытия».

Показательным примером различных характеристик пространственной принадлежности для одного региона (пространства) является Республика Саха (Якутия), один из самых «аутентичных» северных регионов. Географически республика относится к Сибири, экономически и административно относится к Дальневосточному федеральному округу, в системе районирования она относится к территориям Крайнего Севера. В стереотипном сознании за пределами региона – это край вечной мерзлоты и глубокой периферии. Рассматривая внутреннюю перспективу восприятия пространства, мы можем увидеть более дифференцированную картину, где категории ориентации-направления, близости-удаленности, центра-периферии приобретают иное значение. Выезжающих из аэропорта в Якутск гостей может встретить плакат «Добро пожаловать в столицу». В якутском обиходном языке слово «собуруу» (юг) часто употребляется для обозначения центра. Выражение «уехал в центр, учится в центре» (то есть на юг) может означать московское, новосибирское, а также хабаровское и порой даже владивостокское направление.

Пространство в целом и в особенности как социальная реальность содержит огромное разнообразие характеристик, которых невозможно избежать, давая общую картину Российского Севера. При этом каждое общество производит свое специфическое пространство (Lefebvre, 1991). Соответственно другому, не менее известному теоретику Фуко пространство может приспосабливаться к социальным

изменениям и может менять свою роль и местоположение в зависимости от отводимой ему роли и функции для общества (Foucault, 1986: 25).

Отталкиваясь от этих идей, я рассматриваю понятие «Север» как пространство, которое имеет специфическую роль и функцию в российском обществе, и в котором пространственные характеристики являются одновременно составляющими этого общества. Обе перспективы важны для моего анализа и представляют Север как пространство, сформированное обществом, и как общество, сформированное пространством. В фокусе данной статьи Север (пространство) рассматривается как социальная конструкция, произведенная и воспроизведенная через дискурсы и социальные практики, в его более институционализированной форме.

Рассматривая процесс создания новой концепции пространства в России в этих теоретических рамках, я исхожу из тезиса, что этот процесс является обусловленным событием. Это ответная реакция на изменения в глобальной пространственной инфраструктуре, меняющей свои географические, политико-экономические и ментальные масштабы. Здесь важно подчеркнуть следующие моменты:

1) В рамках глобальной пространственной интеграции все более важным становится значение определения ясной позиции ее участников к пространству внутри этой интеграции и неизбежно – к внутренним отношениям между пространством и идентичностью. Концептуальные различия – с практическими последствиями – в понимании Севера у различных партнеров уже отмечены, например, в рамках Северного измерения ЕС (Northern Dimensions, 2004). Вопрос пространственной идентичности один из наиболее дискутируемых и в рамках других «географических» объединений, таких, как нордическое (скандинавское) (Sørensen and Stråth, 1997; Götz, 2003) или евро-средиземноморское (Pace, 2006).

2) Говоря об интегративных процессах на глобальном Севере, речь идет как правило не о создании различий между продвинутым центром и неразвитой периферией, а о масштабном пространстве объединяющих равноправных партнеров (Heininen, 2005). Поэтому теоретический подход к понятию «Север» в популярных терминах «выживания», «преодоления», «справляться с ситуацией», употребляемых часто зарубежными исследователями в отношении Российского Севера, не так просто применить к моему исходному тезису. Рассматривая современную концептуализацию Севера как связанную с глобальными политическими и экономическими отношениями, и процессами создания идентичности через пространства, я понимаю это развитие как своего рода адаптацию в ответ на внешние воздействия, но в ее проактивной форме.

3) На данный момент пространственная северная идентичность предлагает значительный творческий капитал для политическо-экономических и социальных парадигм развития России, где россияне могут определить свое достойное и почетное место. В соответствии с идеей Элверта о «переключающейся идентичности», идентичность является прагматичным концептом. Различные группы могут менять свою идентичность – от политической к этнической, от религиозной к культурной, – в зависимости от специфичности места, ситуации и времени, если речь идет о

выживании, возможности получить больше выгод или присоединиться к более сильной группе (Elvert, 1997). Анализ различных концепций, популяризирующих «северность» России, поможет понять процесс создания пространственной идентичности в ее задачах, функциях и перспективах.

Где находится Север?

Рассматривая Север (пространство) как составную часть общества и Север как продукт общества, мы начнем с первой категории. Вопрос о том, как определить Север, относится к одним из фундаментальных вопросов в североведении (Armstrong et al, 1978; Nicol, 2005). У России, самой большой в мире страны, свои уникальные отношения с пространством в целом и с Севером – в частности. Эти отношения выходят за рамки общей научной неразрешенности вопроса уже при попытке провести физические линии вокруг Севера (широта, изотермическая граница, лесная линия, мерзлота, гидрология и т.д.). В качестве идеи, мифа восприятие Севера России можно сравнить с имиджем Северной Фенноскандии для европейцев, Аляски для американцев и Северных провинций для канадцев, холодной периферией и местом надежд и мечтателей (Sörlin, 1989; Slezkine and Diment, 1993).

Восприятие Севера в России несколько затрудняется из-за существования многочисленных типов и уровней подразделений в стране в целом – федеральные округа, экономические округа, субъекты федерации. Этот список можно продолжать дальше, если рассматривать подразделения внутри этих рамок. Границы географического региона не обязательно совпадают с экономическими или административными, один регион может принадлежать к разным экономическим зонам. В Советском Союзе существовали даже ценовые поясные подразделения. Таким образом, Российский Север поделен между пятью федеральными субъектами и различными географическими, административными и экономическими зонами.

Доминирующей же в понятии самого Севера является официальная классификация, основанная на географическо-экономической индексации – система районирования, подразделяющая регион на Крайний Север и районы и территории, приравненные к районам Крайнего Севера. В 1993 году в российском законодательстве была введена даже категория «остальные районы Севера» (Постановление Верховного Совета РФ 1993: № 4521-1). Данная статья не ставит целью дать анализ сложной и постоянно меняющейся системы районирования в ее правовых категориях, поэтому мы рассматриваем ее только с интересующей нас заданной пространственной перспективы понятия Севера.

Понятие «Крайний Север» было введено в 1932 году постановлением ВЦИК и СНК РСФСР («Положение о льготах для лиц, работающих на Крайнем Севере РСФСР»), которое было расширено в 1945 году понятием «местностей, приравненных к районам Крайнего Севера» (Жуков и Васильев, 2006). Выделение этих понятий обуславливалось, в основном, экономическими мотивами и учитывало в первую очередь хозяйственную целесообразность размещения производств и потребность привлечения трудовых ресурсов. Эта категоризация получила правовой статус в 1967 году

в еще активном «Перечне районов Крайнего Севера и местностей, приравненных к районам Крайнего Севера» (Перечень, 1967). На сегодняшний день существуют около 20 редакций этого документа. Главной целью районирования было привлечение и закрепление рабочих ресурсов в этих регионах.

В основе выделения этих районов лежала концепция развития производительных сил Севера, разработанная одним из ведущих советских ученых С.В. Славиним. Одной из основных тем Славина была техника, технология и материалы для Севера, их конструкторская, эксплуатационная, экономическая адаптация к экстремальным условиям. При его участии в 1966 г. был организован Научный совет по «Проблемам создания машин, работающих в условиях низких температур». С учетом природной и экономической специфики освоения региона и повышения экономической эффективности технических процессов и технологических процессов, Славин разработал границы экономико-географического понятия «Север». Соответственно Славину, регионы считаются северными, если они:

1) расположены к северу от экономически развитых и заселенных регионов страны, а также отдалены от основных промышленных центров;

2) характеризуются малозаселенностью и низким уровнем развития основных секторов массового производства экономики;

3) характеризуются высокой стоимостью конструкций по сравнению с другими регионами страны;

4) отличаются суровыми природными условиями, которые затрудняют экономическое развитие (Burkhanov, 1970; Graham, 1990; Hamelin, 1979; Vitiazeva& Kotyrlu, 2007).

Такая категоризация, основанная на принципах удаленности и сурового климата, затрудняет восприятие северных регионов в европейской части страны с развитой транспортной и промышленной инфраструктурой, близостью к экономическим, а также политическим и культурным центрам страны, как «аутентичных» северных регионов. Поэтому урбанизированный Мурманский регион, самый заселенный во всей Арктике, легче ассоциируется с Заполярьем, чем с Крайним Севером. Исходя из географического (широтного) фактора, вводит в некоторое заблуждение отнесение в указанном перечне, например, Камчатки (юг Камчатки примерно на широте Киева) и Республики Тыва, которая граничит с Монголией, к регионам Крайнего Севера.

В то же время индексация по холодовому фактору и удаленности замечательно подходит к такому региону, как Республика Саха (Якутия). Якутия, находящаяся далеко от Москвы (столица Якутск удалена от Москвы на 8468 км) с полюсом холода, занимает территорию с размерами, соответствующими примерно Индии. На огромной территории (3,1 миллиона кв. км) живет около 1 миллиона человек, и на 2002 г. имелось всего примерно 115 км железной дороги и чуть больше 7 тысяч автодорог с твердым покрытием (Николаев, 2002). Река Лена как основная транспортная артерия судоходна около 4 месяцев в году. Также и Ямало-Ненецкий округ без оговорок всегда относился к регионам Крайнего Севера с его одним из самых высоких уровней холодового фактора. Транспортная инфраструктура развита только в южно-восточной

части Ямала, где находятся основные залежи газа и нефти, и в его крайней западной части, причем между обеими сторонами практически нет сообщения.

При этом категория «крайней северности» на Европейском Севере в общероссийском восприятии в значительной мере размыта по сравнению с регионами за Уралом. В то же время, в сравнении с Мурманской областью, которая почти полностью лежит за Полярным кругом, только около 40% территории Республики Саха (Якутия) и 50% территории Ямала находятся в этой зоне.

Индексация понятия «Север» и определение территорий, относящихся к нему, были введены в российском законодательстве в первую очередь для регулирования государственных гарантий и компенсаций с целью привлечения трудовых ресурсов (районные коэффициенты) и закрепления кадров (северные надбавки) в отдаленных регионах промышленного развития. После распада Советского Союза границы правовой категории Севера раздвинулись значительно на юг, и сегодня районные «северные» коэффициенты получают, согласно данным Минэкономразвития России, и в 14 других регионах страны (Жуков, 2006), как, например, в Вологодской области, Республике Башкортостан, Удмурдии, Хакасии, Еврейской автономной области и т.д. Изменились также и задачи существующей системы льгот. Основные ее функции интерпретируются, как правило, не как привлечение и закрепление кадров, а как компенсация за удорожание жизни в условиях сурового климата.

Перечень районов Севера, введенный в 1967 году, несмотря на постоянные изменения, является базовым документом для существующих многочисленных других «перечней»: от выделения северной строительного-климатической зоны (Строительная климатология, 1999), нормативных актов Министерства труда, определяющих регионы «северных» льгот до перечня районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей по регулированию производства, поставки и продажи алкоголя (Постановление N 400, 2007). «Юридический Север», особенно в его «холодовых» характеристиках и фактором удаленности, через такую тесную связь со многими реалиями повседневности всегда играл и играет решающую роль в общем восприятии Севера как такового.

В своих правовых категориях северное пространство перманентно то сокращалось, то расширялось, включало одни и исключало другие регионы и продолжает находиться в постоянном изменении (Тараканов, 2007). Город Кандалакша в Мурманской области, например, который географически находится за Полярным кругом, был исключен из списка районов Крайнего Севера и относился к территориям, приравненным к Крайнему Северу до 1990 года, когда он стал территорией Крайнего Севера (Постановление N 594, 1990). Через пару лет Кандалакша вернулась опять в статус «приравненных» (Постановление N 776, 1992).

Существующая правовая характеристика Севера, разработанная на базе природно-географического и экономического факторов, находится в явном кризисе. В зависимости от границ Севера может меняться и численность «северян». Расширение «Северного клуба» на запад и на юг привело к созданию новых северных осей, которые не совсем соответствуют категориям, сформулированным Славиним. Одна

из таких осей – это Ярославль – Вологда – Архангельск. Север представлен, например, в названиях региональных газет, как «Северный край» (Ярославль), «Русский Север», «Красный Север» (Вологда), «Правда Севера», «Северный комсомолец» (Архангельск), и все чаще упоминается как европейский регион России. Имеющиеся в ходу различные определения Севера вводят в явное заблуждение и приводят к все большему осознанию необходимости сделать это понятие более рациональным и транспарентным. В апреле 2004 года Владимир Путин высказался за ясное определение регионов, относящихся к Северу (Путин, 2004). В 2007 году президент России предложил идею о создании координационного института, Национального Арктического Совета и правовой базы для политики на Севере (Путин, 2007). Также и в академических кругах подчеркивалась необходимость создания более четкой формулировки Севера и определения его южных границ (Теп, 2004). Еще один вариант для координации деятельности всех северных территорий предполагал создание восьмого Северного федерального округа (Gromyko, 2004).

Некомфортабельный, но выигрышный Север

Вопрос о границах Севера для российских жителей, как мы упомянули выше, это не только абстрактная теоретическая конструкция пространства. Пространство имеет совершенно практическое значение. Вопрос о границах напрямую связан с повседневной жизнью внутри этих границ. Правительство должно обеспечивать выплату компенсаций, как, например, районные коэффициенты к заработной плате, процентные надбавки за трудовой стаж, досрочный выход на пенсию, ежегодный дополнительный оплачиваемый отпуск (от 14 дней и больше), раз в два года оплачиваемый проезд к месту отдыха и обратно, жилищные субсидии и материальную помощь при переселении в регионы с более благоприятным климатом (после выработки «северного» стажа) (Закон РФ от 19 февраля 1993 г. № 4520-1). Более 40 регионов России получают «северные льготы», 14 из них не относятся к Крайнему Северу и местностям, приравненным к территориям Крайнего Севера. Особенно для последних вопрос о новых подходах в районировании Севера становится вопросом практических последствий.

Сегодняшние дискуссии в России по вопросам фиксации северных территорий напоминают дискуссии, связанные с исследованием советского профессора Бурханова, который разработал в 1968 г. критерии индексации с помощью комбинированных климатических данных. Собственно говоря, эта система была разработана для инженерных целей определения условий использования технических конструкций при освоении и эксплуатации ресурсов Севера. Бурханов выделил четыре критерия климатической «суровости» и ввел четыре северные зоны: Арктическая экстремальная зона, субарктическая зона высокой экстремальности, северная экстремальная зона и восточная зона относительной экстремальности (Burkhanov, 1970).

Эта идея была позаимствована канадскими географами (Hamelin, 1979; 1988; Graham, 1990).

С 1958 года федеральное правительство Канады ввело систему стимулирующих выплат для удаленных северных регионов, которые возрастали по мере увеличения степени природной дискомфортности или экстремальности (Graham, 1990). Однако уже в то время, как советские, так и канадские ученые признали, что понятие «Север» не может быть оценено только на основе одного климатического индикатора. Новая модель, которая фигурирует сегодня в идентификации северных границ России, напоминает географо-инженерный принцип определения границ Севера Бурханова и расширена за счет факторов социально-экономической и медико-биологической дискомфортности. Существуют различные варианты этой модели, предложенные различными группами исследователей и учреждениями. Одним из наиболее дискутируемых положений о новом зонировании Севера и системе государственных гарантий является фактор «дискомфортности», который по-новому перекраивает северные границы и определяет статус «северности» (Шмелева, 2004; Моисеев, б.д.; Селин и Васильев, б.д.).

В апреле 2007 г. на заседании Государственной думы был рассмотрен пакет документов о новых подразделениях внутри Севера, представленный Комитетом по делам Севера и Комитетом по природным ресурсам (Парламентские слушания, 2007). В основе нового варианта лежит предложение о границах северных районов по индексу «некомфортабельности», в зависимости от чего и должны выплачиваться финансовые компенсации. Предлагаются три зоны Севера – абсолютно дискомфортная, экстремально дискомфортная и дискомфортная. Первые две зоны должны охватить регионы Крайнего Севера и последняя должна включать территории, приравненные к Крайнему Северу. Из списка дискомфортных, таким образом, могут быть исключены, например, такие «члены северного клуба» как Новосибирск и Кемерово, которые выразили свое недовольство предлагаемым проектом (Тулеев, 2007; Кузнецов, 2007). По некоторым другим вариантам районирования, из категории северных могут быть исключены части Мурманской и Архангельской области, Карелия и другие регионы (Шмелева, 2004; Родная газета, 2004).

Другой вариант, разрабатываемый Министерством экономического развития и торговли, вышел за рамки понятия дискомфорта и дополнил его критерием комфортности (Жуков, 2006; Селин и Васильев, б.д.). Этот проект продвигает идею районирования на шесть зон по критериям комфортности и дискомфортности в контексте всей страны, которые учитывают также фактор широтности. Предлагается три категории дискомфортности и три – комфортности. Последняя однозначно «благоприятная зона» – это территории вокруг Азовского и Черного морей и западных частей Северного Кавказа.

Действующая система льгот, созданная в условиях плановой экономики, недостаточно работает в условиях рыночных отношений. Несмотря на то, что во многих регионах признана общая система коэффициентов независимо от отрасли экономики, до сих пор остается разница в системе льгот и размере оплаты в добывающей промышленности и сельском хозяйстве. Существует разница в бюджетной и небюджетной сфере, где многие северные льготы не гарантируются частными предпринимателями.

Критика новых моделей касается как самого «негативного» определения Севера как дискомфортного, предсказания оттока населения из исключенных регионов, так и практических вопросов платежей и структур. Людей в регионах волнует, например, какие финансово-экономические последствия может повлечь за собой новый подход к районированию Крайнего Севера и для всей страны? Как будет происходить денежный трансфер из одного бюджета, если одна административная единица лежит, например, в трех зонах? Что произойдет, с большей частью Ямало-Ненецкого округа, если планируемая граница одной из зон дискомфортности проходит в районе Салехарда, столицы Ямала, не вызовет ли это усиления социальных различий среди жителей Ямала? Каким образом это отразится на инфраструктуре и обустройстве северных территорий? Сможет ли решить новая система вопрос высокой себестоимости продукции на Севере?

В условиях централизации страны и административного укрупнения регионов федерации новая система может вызвать также интенсификацию этих процессов с возможными региональными последствиями и изменениями в отношении центр-периферия. Несомненно, кризис определения границ Севера, подстегнутый глобальной динамикой, дело не одного года и будет еще долго продолжать привлекать внимание политиков, исследователей и жителей «Северов».

Ментальная карта Севера

Ментальные карты это образы окружающей среды, которые у нас в голове и представляют наши знания о пространственной организации нашего окружения и информации об атрибутах, которые мы ассоциируем с различными местами и регионами. При этом они не обязательно должны совпадать с географическими масштабами.

Чем крупнее масштаб карты, тем проще с определением понятия Север. Посторонним, находящимся за его пределами не совсем обязательно быть очень точными по этому поводу. Внутреннее же восприятие пространства более дифференцировано и может уточняться сразу же за пределами нашего непосредственного нахождения. Для жителей самого знаменитого в мире места на Полярном круге, города Рованиеми, родины Санта Клауса, Арктика начинается намного севернее, примерно в районе Ивало (около 200 км от Рованиеми). Для жителей Ивало арктические линии передвигаются еще дальше на север в Инари и т.д. Границы Ямала для ненцев, «край» в переводе с ненецкого, имеют ту же тенденцию движения все дальше на Север. В ментальной карте моих собеседников, жителей Мурманска, который лежит намного дальше за Полярным кругом, чем Рованиеми, Арктика мало ассоциировалась с Мурманском, а часто с железнодорожной станцией «Полярный круг», намного южнее его на границе с Карелией.

В общероссийском восприятии Север проще всего рассматривать через дихотомию центр-периферия, которая во многом определяет специфику его ментальных измерений и в целом специфику пространственных отношений в России. Любая децентричность в России имела и имеет метку перифериальности. Популярное «анатомическое» выражение – Москва голова, а Петербург сердце России – делит страну

на центр (Москва и Петербург) и на остальную часть, в лучшем случае с маленькими островками «мини-Москвы». Перифериальность предполагает не только разрыв через географические дистанции от ядра (центра), но и в политических, идеологических и культурных измерениях (см. также Звонковский, 2003; Туровский, 2005).

Это наследство царской России и Советского Союза продолжает оставаться основным базовым элементом пространственной идентичности и в современной России, несмотря на значительное расширение горизонтальных структур в стране. Моя спутница на беспосадочном рейсе Якутск – Москва летела с северо-востока на запад, чтобы пересесть на самолет, который должен был лететь тысячи километров обратно от Москвы в другой северный город. От финансовых потоков до политических решений, от Высшей аттестационной комиссии по утверждению диссертаций до возможностей закупиться, в различиях между порой драматических стандартов жизненного уровня, здравоохранения, культурных ресурсов, Россия продолжает демонстрировать существование сверкающего центра и остальной страны.

Север как в научном обороте, так и в общем понимании, ассоциируется чаще всего не только с периферией, но и прежде всего со словом «крайний» и воспроизводит другую пространственную дихотомию «край – материк». Российская политика в течение XVIII – XIX вв. и в начале XX столетия рассматривала северную периферию, прежде всего, в экономических терминах и оценивала с точки зрения центральных выгод – будь это в форме пушнины, минералов или других ресурсов. В Советском Союзе эта политика приобрела черты широкой индустриализации северных территорий, основанной на развитии целого комплекса социальной инфраструктуры: люди должны работать и жить, иметь семьи, воспитывать детей и получать образование в одном месте. Это аргументировалось не только экономическими критериями, но и вписывалось в идеологическую систему воззрений. Такая политика рассматривалась как преимущество «гуманного» социализма в отличие от капитализма, «где главным экономическим принципом было достижение прибыли». Базой экономического закона социализма, лежащего в основе подхода к освоению Севера, декларировалось «продолжающееся увеличение и улучшение социалистического производства ... для постоянного растущих материальных и духовных потребностей всего общества» (Slavin, 1972: 59-60).

Нигде в мире на северных широтах нет таких крупных и развитых промышленных городов, как на Российском Севере. В большинстве северных административных регионов русскоязычные группы переселившихся на Север составляют подавляющее большинство населения. Поколения приезжих первых волн индустриализации в 20-х, 30-х годах относятся уже к местному населению более чем в трех поколениях. Тем не менее, число тех, кто имеет установку на то, чтобы остаться на Севере на определенное время, как правило, до пенсии и потом вернуться на «материк», довольно высоко.

С точки зрения коренных жителей северных регионов с высокой долей в этнической структуре титульной (давшей название административному объединению) группы, приезжие часто рассматриваются как группа, значительно связанная с югом

(центром, материком). В Республике Саха (Якутия) и на Ямале, в отличие от Мурманской области, где мигрантское движение проходит в более текущих формах из-за географической близости к центрам и транспортных возможностей, имеется определенная категоризация различных групп русскоязычных мигрантов – старожилы, коренные, временщики, приезжие. Тем не менее, для этих всех категорий, кроме русских старожилов (например, в Якутии), связи с материком рассматриваются как интенсивные (родители, родственники, дети учатся, дом/квартира, перспективы и т.д.) с потенциалом выезда на «материк».

Этот дискурс «рубежной ментальности» или Север (край) – материк (большая земля) остается в восприятии Севера как внутри его (как правило в неевропейской его части), так и за его пределами. Наиболее частое упоминание слова «материк» и осознание «крайности» я встретила на Камчатке. На вопрос, можно ли спокойно поздно вечером выйти на улицу, мои коллеги в Петропавловске-Камчатском, смеясь, уверили, что здесь уровень преступности намного ниже, чем на материке, «все равно бежать-то некуда». Приезжего преступника поймали, когда он пытался узнать, где ближайшая железнодорожная станция на Камчатке, где нет железных дорог вообще (Полевой материал, 2007). В Ненецком Автономном Округе можно часто услышать среди местных жителей выражение о поездках за пределы округа – «Еду в Россию» или «побывал на материке» (Полевой материал, 2009).

В то же время понятие «край» как место, «куда приезжают и дальше некуда ехать» (Разумова, 2006: 179), и понятие «материк» по отношению к Крайнему Северу, это прежде всего русское понятие, которое в значительной степени может рассматриваться как рефлексия миграционного опыта в ходе выселения, переселения, ссылки, открытия, освоения, индустриализации Севера. С этим связано и другое двойственное противоречивое историческое восприятие Севера как «тюрьмы без решеток» или «царства свободы», «отсталых» северных народностей и «благородных дикарей», романтических героев освоения Севера, безмолвное холодное пространство и России «второе Я», (Slezkine and Diment, 1993: introduction); «дорожной станции или родины» (Thompson, 2000: chapter 5); «обузы и богатства» России (Blakkisrud and Hønneland, 2006; Ламин и Малов, 2005: ч. 1).

Общую картину Севера невозможно рассматривать, не учитывая все эти дихотомии и перспективы в их контексте, которые необязательно стоят в острой оппозиции друг к другу. Тем не менее, можно сказать, что в ментальной пространственной характеристике Севера физико-географическая категория являлась и является приоритетной над временными категориями исторической памяти и опыта. Еще до недавнего времени вопрос о том, где находится Ямал или Якутия («аутентичный» Крайний Север), мог ввести жителей центральной России в полный конфуз, и представлялся как холодное и удаленное маргинализированное пространство, которое где-то за Уралом сливается с категориями «Сибирь» и «Дальний Восток», и в конечном итоге – в понятие периферия. Дополнительную «поддержку» этой культурной конструкции оказывают два фактора.

Во-первых, то, что северное пространство за Уралом, включая территории к востоку от Урала до Берингова пролива, представляет собой почти непрерывную цепь ареалов проживания многочисленных этнических групп, которые консолидированы в различные уровни автономных образований. Во-вторых, сохранение прежнего образа Севера поддерживается нерешенностью наиболее важного на сегодня внутрироссийского вопроса относительно Севера, что же такое Север для России – «тяжелая ноша или ее кладовая благополучия, ее активный капитал»? Россия сегодня обладает самыми крупными в мире установленными резервами природного газа и значительными запасами нефти, которые находятся в основном на Севере. Мини-копия знаменитого лондонского Big Ben в нефтяном Сургуте и планируемый небоскреб «Dimont Cristal» в Ханты-Мансийске отражают новый блеск «Северных Эмиратов». Представитель администрации Ханты-Мансийского округа, побывавший в Архангельской области, отразил это противоречие очень выразительно, «как будто побывали в другой стране» (интервью автора, 2007).

В то же время, обратившись к разделу о Крайнем Севере в «Основных направлениях социально-экономического развития РФ на долгосрочную перспективу до 2010 года» (Постановление правительства от 30.06.2000), можно было ясно почувствовать, что регион рассматривается практически в категории «обузы», и программа его развития напоминает план спасения: «экстренные меры по спасению потенциально жизнеспособных предприятий», «адресная поддержка социально слабых слоев населения», «переселение избыточного населения». В практических терминах это означает – сохранить ли старый советский подход к Северу как место постоянного проживания или рассматривать его как место временного проживания и использовать вахтовый метод освоения северных ресурсов? Этот остро дискутируемый вопрос остается на сегодня открытым. Имеются различные программы и проекты по релокации (переселению) населения, которые стимулируют миграцию из северных регионов (например, формально действующая правительственная программа по переселению из районов Крайнего Севера). В то же время имеются региональные проекты, которые, наоборот, привлекают людей остаться на Севере.

Таким образом, комбинация рассмотренных природных и культурных, политических и экономических факторов лежит в основе сегодняшней ментальной карты Севера. Еще одним моментом внутренней динамики, влияющей на восприятие Севера, стала фундаментальная реорганизация отношений между центром и периферией, начавшаяся с 1990-х годов (Gossmann, 1997, Balkkisrud and Hønneland, 2006). Возросшие возможности новых региональных образований в управлении природными ресурсами, в международных контактах и внутренних горизонтальных связях не только подняли роль северной периферии на политической повестке, но и сделали более узнаваемыми вчерашних незнакомых «золушек» у широкой публики. Географический стереотип несколько ослаб за счет нового «ресурсно-экономического»: Ямал ассоциируется сегодня с газом, и Республика Саха (Якутия) с алмазами, а не только с жестокими морозами и оленями. Внутри же самих регионов часто распространено мнение, что центр забирает себе всю прибыль и процветает за счет северной периферии.

В целом, можно сказать, что образ Севера («отсталого и мало цивилизованного») в российском общественном сознании поворачивается в сторону более позитивного, как региона с возрастающим экономическим потенциалом как в российском, так и в глобальном масштабе. При этом активируются и позитивные структуры, которые поставляет историческая память (например, романтика Севера, Папанин и челюскинцы, душа России, идея прорыва или экстрима, присущая россиянину (Проханов, 2007; Громыко, 2001) и новые постсоциалистические категории, как, например, Север мистический, трансцендентный (Широпаев, 2005), пассионарный, вектор российского этногенеза (Громыко, 2001; Крупнов, 2003), вселенская весна (Штепа, 2000, 2004а).

«Переделка Севера», или Новая философия пространства

В то время как политики и ученые дискутируют острые проблемы о внутренних границах Севера, о международных границах в Арктике, о геостратегическом значении Севера, о потенциале российских гидрокарбонных ресурсов, о северных льготах, калькулируют «стоимость» Севера, не менее острым становится вопрос об идейном обосновании северной пространственной модели России. Манифестация «северности» не может ограничиваться только политическими и прагматическими экономическими интересами, но и должна быть поддержана идеями, которые апеллируют непосредственно к вопросу новой пространственной идентификации для всей страны. Одной из наиболее сложных задач является приспособление новых северных «измерений» России к маргинальному статусу Севера в обществе в целом. С перспективы атрибутивного интегративного потенциала Севера для всей страны («Россия – северная страна») эта пространственная идея должна быть «коренной» российской концепцией. Задача не из легких, учитывая огромную территорию страны и «традиционный» имидж Севера.

Кроме того, Российская Федерация это не только самая большая по территории страна в мире, но и многонациональная страна. В Советском Союзе объединяющая идеологическая конструкция «советский народ» субординировала все остальные этнические и региональные идентичности и на многие декады была единственной национальной идентичностью всех россиян. Поиски новой национальной идеи, которая могла бы заменить распавшуюся советскую идентичность, пока не привели к успеху, несмотря на многочисленные дебаты и идеи.

Некоторые идеи могут апеллировать, например, к «славянской» или «русской» идее (Веховский, 2003). Другие предлагают выделить «соборность» в качестве национальной идеи (Vorodai and Nikiforov, 1995). Эти идеи основаны на православном духе общности русской души, которая не совсем включает нерусских жителей, среди которых, например, большая группа исповедующих ислам. Другим вариантом российской консолидации выступила концепция «евразийства» (Россия как мост между Европой и Азией) (Hamphrey, 2002), но которая предлагает меньший политический капитал в сегодняшней ситуации для России, чем северная пространственность. Концепт, базирующийся на северной пространственности, интенсивно обсуждается

в теоретических дискуссиях как более нейтральный и бесконфликтный вариант консолидации такой мультиэтнической и мультиконфессиональной страны, как Россия.

Другим важным аспектом инкорпорирования «северности» в геополитические и национальные интересы является задача нахождения баланса между национальными, не-западными моделями развития и кооперацией с глобальным обществом. Сегодня Россия ясно демонстрирует свое возросшее самосознание, подчеркивая свои «российские» корни и свой собственный путь в глобальной интеграции. Несмотря на то, что предлагаемые сценарии развития для России часто являются идеями, заимствованными у популярных западных теоретиков как Тойнби, Хантингтон, Гидденс, Аппадурай, Робертсон и других, которые также переведены на русский, тем не менее, очевидна тенденция трансформирования западных моделей в оригинально российскую модель. Основной поток современной интеллектуальной мысли в России уходит явно в сторону от восторженной адаптации западных идей, таких как, например, «догоняющее развитие» или «устойчивое развитие». Новые «северные измерения» России представляют шанс ответить на этот вызов. «Северный вариант» звучит менее провокативно, чем «западный», и в то же время дает новое качество международной позиции России.

Одной из наиболее дискуссионных и разрабатываемых в последнее время идей является идея северной цивилизации. В научных кругах она часто представляется как философская рефлексия нового понимания Севера и построения «северной модели» общероссийской культуры (Головнев, 2004; Попков и Тюгашев, 2004; 2004а; Неклесса, 2002; 2007), как модель пространства, оппозиционная «евразийской» модели, и как новая геополитическая данность (Громыко, 2001; Широпаев, 2005). В общественных, политических движениях и объединениях (напр., «Партия России – северная цивилизация», «Парламент мировых народов», Кооперация северных городов «60 параллель») она выступала так же, как новый идейный формат подхода к администрированию Севера (Крупнов, 2003; Resolution, 2004). В многочисленных политических и академических дискуссиях северная цивилизация манифестирует себя так же, как стратегия усиления социальных связей и институтов в пространственной категории и даже как структурная основа для национальной государственности. Первый конгресс «Северная цивилизация»: формирование, проблемы и перспективы», проходившей в Сургуте (Ханты-Мансийский округ) в 2004 году, с участием известных ученых дал импульс к широкой дискуссии нового концепта.

Манифестация северной пространственности как политической и культурной конструкции не является событием только последних лет. В начале 1990-х годов, когда с особой остротой встал вопрос о новой идее для России, взамен потерянной советской, многие региональные лидеры выдвинули свои идеи региональной идентичности, привлекая при возможности международные связи. Последние, в обстановке полной неопределенности внутри страны, становились важной поддержкой в поисках своей идентичности и политики по отношению к федеральному центру. При этом они конструировались как правило на этнических или профессиональных общностях, как, например, финно-угорские кооперации (Saarinen, 2001) или движение

«евро-ислам» (Khakimov, 1998). В удаленной северной периферии, у которой не было никакой диаспоры за рубежом, идея пространства была выдвинута в начале 1990-х годов как центральная концепция на политической повестке в регионе (Stammler-Gossmann, 2006).

Первый президент Республики Саха (Якутия) Михаил Николаев ввел новое понятие «циркумполярная цивилизация», которое манифестировалось в многочисленных публикациях, декларациях и мероприятиях. Продвижение концепции опиралось на поддержку местных ученых, которые оттолкнулись от теории «замороженных» типов цивилизаций Арнольда Тойнби (Toynbee, 1976). Термин «циркумполярная цивилизация» определялся как общность людей, живущих в подобных климатических, природных условиях циркумполярного Севера и имеющих близкую духовную и материальную культуру и мировосприятие (Винокурова, 1995, 2011). Концепция развивалась в специфичных условиях взаимоотношений с центром, процесса суверенитета и чувствительных межэтнических отношений. Поэтому декларируемая региональная «северность» (мы – северяне) выполняла функции достижения большей региональной автономии, сохранения внутреннего единства между различными этническими группами и преодоления унаследованного периферийного и этнического комплекса «малого брата». Концепция «циркумполярной цивилизации» представила хорошую возможность подчеркнуть уникальность и преимущества северного общества. Престижная интернациональная активность помогла открыть каналы в глобальное общество и усилить внутреннюю репутацию республики, в целом, и положение малочисленных коренных народов – в частности.

Тем не менее, в общероссийских рамках республика была слишком далека от центра, незнакома, а циркумполярный концепт сам по себе, который ассоциировался, прежде всего, с малочисленными коренными народами и экологией, имел в то время мало шансов выйти за региональные рамки.

Северная цивилизация: пост- и протопространство

Эти же две категории – пространство (Север) и цивилизационный аспект – подстегнутые глобальными процессами, вышли сегодня на общероссийский уровень и являются одними из центральных в дискуссиях о моделях развития страны. В данной статье мы не можем дать полную характеристику концепции «северной цивилизации» и остановимся лишь на ее основных чертах и подходах.

Северная цивилизация характеризуется как прототип будущего единения, выходящий за национальные рамки и в то же время как данность российской действительности, т.е. как полноправный участник общецивилизационного процесса и одновременно самостоятельный субъект. Это своего рода «новый» и «старый» Север. Причем цивилизационный аспект, на наш взгляд, является доминантным пунктом концепции в обеих интерпретациях. Россия как северная страна представляется как новый тип мировой цивилизации, с «мягкой государственностью», с мультикультурными и мультиконфессиональными транснациональными границами и горизонтально структурированной региональной сетью (Крупнов, 2003). В соответствии с

резолюцией конгресса «Северная цивилизация», Север как особый тип цивилизации должен стать пространством кооперации и партнерства регионов, государств и наций, которые принадлежат к различным типам цивилизаций (Resolution, 2004). В многочисленных публикациях на сайте sever.inache.net, специально посвященный вопросам «северной цивилизации», она рассматривается не как механическая сумма Европы, России и Америки, основанная на культурной унификации, но на общих экономических ценностях (Штепа, 2004).

Теория С. Хантингтона (1996) о столкновении более или менее гомогенных мировых цивилизаций, которая заслужила значительное внимание российских интеллектуалов, хорошо вписывается в идею равных партнеров, участников глобальных процессов и «не-догоняющего другие цивилизации», а оригинальной российской модели развития. С этой точки зрения понятны и идейные симпатии к популяризованному Р. Робертсоном японскому термину «глокализация» (Robertson, 1995), который интерпретируется как синтез глобальных интересов и локализованной уникальности, регионального сценария глобализации (Штепа 2004).

Иновативный Север

Основные характеристики «нового» Севера – это его инновативный и корпоративный характер, где географические характеристики приобретают более размытые границы и их символическое значение выдвигается на передний план. В этом более символическом, ориентированном на будущее, качестве Север представляет свой лучший интегративный потенциал и представляется наиболее привлекательным и прагматическим во всем диапазоне теоретических и политических представлений. В их основе лежит идея о том, что внутренняя генеративная энергия северного пространства должна быть реализована в производстве высоких технологий. Сформулированное социологом Ивановым в конце 1990-х годов понятие «виртуализация экономики» (Иванов, 2002), в его вариациях, как «Силиконовая долина» (Николаев, 2005, 2005а), «интеллектуальная экономика», «цифровой мир» (Некlessа, 2007), «твердая и мягкая технология», «ресурсы 'haute couture'» (Штепа, 2005) фигурирует во многих проектах и предложениях относительно Севера и приобретает более или менее конкретные очертания. Эта ориентация находится также в фокусе специального внимания стратегических задач России, которая была подчеркнута Владимиром Путиным на заседании Госсовета «Об информационных и коммуникационных технологиях» в Новгороде в 2006 г. (businesspress.ru). Подчеркивается, что лидерами XXI века будут не те страны, где сосредоточены самые большие сырьевые запасы, а те, кто научится управлять передовыми технологиями (Николаев, 2005).

В рамках концепции циркумполярной цивилизации речь идет, например, о локусных поселениях на Севере, цифровых сетевых деревнях, заводах-кластерах, о проекте струнного транспорта, разработанного академиком А. Уницким, новых типах энергоресурсов (мини АЭС, биоэнергетика), передовых телекоммуникациях, а также о новых социальных технологиях (страхование жизни, социальные виды гражданства, персональный патронат) (Громыко, 2001; Крупнов, 2003; Попков и Тюгашев, 2004а).

Именно в этом инновативном качестве северные измерения приобретают линии будущей российской государственности. Один из наиболее дискутируемых подходов при этом – корпоративный. Он может представлять своего рода соглашение между федеральным центром и крупными северными промышленными компаниями, интересы которых базируются вокруг добычи природных ресурсов и постиндустриальной экономики (Чернышев, 2004; Неклесса, 2007; Андреев, 2006). Одной из возможных моделей развития, основанных на таком подходе, может стать, по мнению политического антрополога Сергея Зуева, «Северный Контракт», построенный на базе взаимных деловых обязательств между государством, корпораций промышленного бизнеса и региональными органами самоуправления (Zuev, 2004; Зуев, 2005). Вице-директор института экономических стратегий РАН Александр Неклесса предлагает «глокальную» модель российской государственности в форме транснациональной корпорации «Россия» на базе региональной корпорации Северо-Запад», «точки сборки альтернативных сценариев будущего страны» (Неклесса, 2007).

Прото-Север

Создание «Пост-Севера» в его новых инициативных качествах, в его глобальном контексте является одним из наиболее существенных компонентов концептуализации «северного» статуса России. Эта парадигма представляет возможность преодолеть нынешний национальный стресс в реализации евроатлантической кооперации, где участие России все еще носит штамп пассивных кодов развивающихся стран. Поэтому уникальность, самобытность российского варианта другой важный «цивилизационный» компонент концепции. Сегодняшняя ситуация с Севером интерпретируется как повторение истории развития Российского Севера, энергетической фазы России от открытия и освоения северных земель до реконструкции и консолидации страны (Programm «60 parallel», 2005). Это также возрождение времени больших проектов, нереализованных или недореализованных моделей развития (как проект международной магистрали начала 20 века со строительством туннеля через пролив к Аляске, БАМ, Севморпуть).

Российские корни новой концепции подчеркиваются упоминаниями тысячелетней традиции построения и отстаивания самобытной цивилизации, дореволюционного российского опыта сбережения народов, организации успешной полиэтнической жизни (Крупнов, 2003). Также уникальный практический опыт России в создании научных систем и практик в освоении северных территорий (например, в северном мореходстве, в сельском хозяйстве, здравоохранении) – это еще одно основание говорить о чисто российской идее выхода в XXI век (Громыко, 2001). Термины *возрождение*, *повторение*, *реконструкция*, *неотрадиция* в отношении северной модели развития России стали необходимым атрибутом практически всех интерпретаций концепции и подчеркивают ее российскую «укорененность». Уникальность природных ландшафтов России, где Север – это своего рода «Ноев ковчег» человечества (Громыко, 2001), его огромные резервуары «дикой» природы, являющиеся «легкими» планеты, когда «американцы давно уже дышат российским кислородом»

(Николаев, 2002), являются еще одним аргументом в пользу российской «северной цивилизации».

Тем не менее, возможности цивилизационного аспекта концепции становятся более критическими с добавлением пространственного компонента. Как ассимилировать утвердившиеся в литературе критерии выделения цивилизаций с обществом коренных малочисленных народов и присущей Северу социальной позиции как периферии, поставщика сырья, края (рубежа)? Разрешение этого конфликта концепции и известных трудностей в сочетании этого статуса российского Севера с прокламируемой объединяющей страну северной миссией историк Виктор Тен видит в рассмотрении Севера «с ссылкой на прошедшее время господства присваивающей и натуральной экономики» (Тен, 2004). Профессор Юрий Громыко ссылается на выработанные народами Севера способы и формы жизни в экстремальных условиях (Громыко, 2001).

Новосибирские ученые Попков и Тюгашев подчеркивают существование Северной (Арктической) цивилизации как философской рефлексии не с перспективы относительных атрибутов цивилизованности как наличие общественного разделения труда, городов, классов, государственности и письменного права, а с позиций разума (Попков и Тюгашев, 2004, 2005, 2006) «замороженных» цивилизаций А. Тойнби. В отличие от пессимистических предсказаний Арнольда Тойнби о возможностях эволюционного развития таких обществ, российские исследователи подчеркивают потенциал северной цивилизации к продолжению или возрождению ее развития. Значение и роль обществ коренных малочисленных народов Севера в эволюции человечества доказываются исследователями в категориях классической мировой и российской философии и истории, от Вольтера, Нитцше до Чаадаева и Гумилева (Попков и Тюгашев, 2006).

Поддерживающими культурными категориями Севера все чаще выступают также ссылки на связи с Фенноскандией: финно-угорские корни северных народов, роль викингов в становлении Руси, скандинавские связи Новгородской республики, исторические контакты поморов. Эти связи многие авторы рассматривают как историческое продолжение или возрождение исторической традиции (Штепа, 2004; Головнев, 2004). Тем не менее, как философские, так и скандинавские исторические реверансы, не являются достаточным ресурсом для избежания противоречий цивилизационного и пространственного аспектов в концептуализации Севера как интегративной категории для всей России.

Апелляция к северному типу российской цивилизации как объединяющего характеристики европейского (западного) высокотехнологичного и традиционного северного общества страдает недостатком символов и эмпирических доказательств. Категории «включения и исключения» усиливают этот конфликт. Северный статус России, аргументируемый в геостратегическом и инновативном контексте, ориентирован, прежде всего, на перспективные динамичные регионы на европейском Севере и в Западной Сибири с ресурсным, в первую очередь, углеводородным потенциалом и меньше связан с другими северными регионами, не имеющими тако-

вого. Слабые интеграционные символы «скандинавского мифа» и вовсе исключают «другие севера», как Республика Саха (Якутия) или Камчатка. «Цивилизационный реванш» маргинализированной картины коренных северных обществ имеет важное реабилитационное значение для них, однако, носит явный компенсаторный характер и мало соответствует интересам русского населения.

Поиски сбалансированной концепции северного пространства встречаются по большей части в его географической и геостратегической «середине». В современных дискуссиях чаще всего фигурирует Западная Сибирь – Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский округа, сосредоточение российских запасов нефти и газа и коренных народов. Ненцы, самая большая группа коренных малочисленных народов, относящаяся к финно-угорской группе языков, являются наиболее успешными в российском оленеводстве. В парадигме динамичного пульсирующего Севера этим регионам определяется важная роль в строительстве северной цивилизации. Этот процесс находится в его инфантильной фазе, но уже с самого начала он происходит в условиях связей с глобальными процессами и мобильными ресурсами. Интернациональные правительственные и неправительственные программы и проекты, международная экономическая активность, возросшая мобильность региональных элит способствуют развитию транстерриториальных измерений этих регионов. Привлечение локально ориентированных символов, возросшее внимание к имиджевой политике региона, празднование региональных юбилеев создают определенные мосты между политической и научной риторикой и региональными ценностями.

Заключение

Идущие дебаты и существующие концептуализации вокруг Российского Севера отражают активный процесс формулирования пространственных рамок и растущее осознание уникальных возможностей и проблем Севера. Северность в глобальной динамике отражает общие процессы возросшей актуальности категории пространства, которое становится одним из важных признаков «центричности» на глобальной повестке дня. Анализируя различные интерпретации пространства, мы можем сказать, что Российский Север может действовать в этой динамике в направлении создания новых форм высококонкурентной глобальной силы. Немаловажным фактором являются возможности концепции Севера дистанцироваться от западных моделей развития и заявить о своем очень желаемом специфически российском пути. Хотя, конечно, без этого «помогающего» фактора у Севера не было бы достаточного потенциала выступить в этом качестве вообще и в качестве интегративной силы для всей страны, в частности. В этом процессе категория пространства выступает как продукт, производимый социальными агентами (Appadurai, 1996), в нашем случае политиками и теоретиками, и является своего рода силовым инструментом (Lefebvre, 1991) в их «действиях».

В то же время, как уже отмечали в теоретической части, мы видим, что понятие Севера имеет свое местоположение в обществе. Высокая активность глобального Севера в транснациональных проектах имеет далекоидущий эффект для

внутреннего Севера. Поэтому амбиции России быть большим игроком в «северном клубе» и стратегии этих действий однозначно включены в региональный специфический контекст и не являются только теоретической абстракцией глобального масштаба. Наш анализ подтверждает тезис Лefевра о конститутивном дуализме категории пространства, которое является глобальным, гомогенным, целым, объединяющим и в то же время фрагментированным, расчлененным, разделенным. В этом дуализме Север выступает как произведенная и как производящая категория, где северное пространство может заявить себя в полном наборе опций, кодов и вариаций с возможностями переговоров в неагрессивном контексте. Эти характеристики пространства предлагают для постсоциалистической России новые ареалы политико-экономических и социальных парадигм.

В нашем анализе мы могли видеть различные действующие от имени Севера пространства, но ни одного общего понятия Север. Чем уже пространственные рамки, тем строже их критерии и в то же время тем легче они могут перетекать в другие формы. На основе нашего эмпирического материала из разных регионов Севера, можно сказать, что пространство как социальная конструкция, произведенная обществом и репроизведенная через дискурсы и социальные практики, способна разрешать проблемы актуальной социальной конструкции. С региональной перспективы северной периферии мы можем наблюдать, как многозначность пространства может проявлять себя: насколько оно соответствует регионально-локальному восприятию, настолько оно может удовлетворять и «работать». Мои местные партнеры из самых различных социальных и возрастных групп предпочитают выражать свое отношение к категории пространства в ее более «читаемой» или «визуальной» форме социальных практик, как, например, возможности работы, разделения труда, иерархии или силы.

Важно понять, что дело не в том, существует ли пространственная идентичность или нет. Она может быть представлена как существующая вдоль континуитета на шкале постоянно изменяющегося или переключающегося многообразия. Новая артикулируемая пространственная идентичность не обязательно означает ее переименования на всех социальных уровнях. Одновременно это не предполагает ее немедленного невосприятия. Даже переключение от одной пространственной концепции на другую не означает окончательного отказа от другой. Стартовавшая в начале 1990-х годов концепция «северной» (циркумполярной цивилизации) в Республике Саха (Якутия) сменилась на другую «южную», подчеркивающую исторические связи саха с азиатским миром Чингиз-хана, но оставила «северную» в «дремлющей» фазе. Из «дремлющей» фазы северная региональная идентичность все более переходит в активную фазу в последнее время.

Региональный эмпирический материал показывает, что если институционализируемая, направленная сверху пространственная идентичность соответствует, если не эмоционально, но рационально региональному обществу, она может быть акцептирована. Север сегодня – это не только идеологическая конструкция, но и огромная энергия воображения. Недаром Север часто ассоциируют с зарождением

новой жизни и освоением космического пространства или замороженной историей России, которая должна оттаять через новую волну пассионарного «разогрева».

На анализе рассмотренных представлений о Севере мы должны признать, что пространство может менять свое местонахождение и границы так же, как и содержание (например, географическое) внутри пространственных рамок может сменяться другим (например, воображаемым). Эту «эластичность» и многозначность категории пространства можно рассматривать как потенциальную возможность ее легитимизации.

Литература

Андреев, Д. Мобилизация корпорации «Россия» // Политический класс. – 2006. – №3 (15). – С. 60-69.

Винокурова, У. Цивилизация народов Якутии // Международная жизнь. – 1995. – С. 96-103.

Винокурова, У. Циркумпольная цивилизация: Идеи и проекты. – Якутск : АГИИК, 2011.

Головнев, А.В. Северная перспектива. «60 параллель». 2004. №3а. Сентябрь. <http://www.journal.60parallel.org/ru/journal/2004/11/41> accessed on April 7, 2007.

Громыко, Ю. Стыки-2. Время вышло из пазов. – Тюмень: ТОГИРРО, 2001.

Жуков, М.А. 2006. Районирование: борьба за «Севера» или долгая дорога к здоровому смыслу. [arctictoday.ru](http://arctictoday.ru/region/2100023012/200000134/)<http://arctictoday.ru/region/2100023012/200000134/>

Жуков, М.А., Васильев, В.В. Районирование: краткие комментарии к проекту основ концепции районирования территорий Севера и Арктики. 2006. <http://arctictoday.ru/region/2100023012/200000146/>

Зуев, С. Российский Север: контуры сценарного анализа // Логос. – 2005. – №1 (46). – С. 230-244.

Крупнов, Ю. Северная цивилизация. 2003. № 5. <http://sever.inache.net/nordciv.html>

Кузнецов, В. Новосибирск лишили северного коэффициента. 2007. <http://account.spb.ru/news/spb/158660/>

Иванов, Д.В. Виртуализация общества. Версия 2.0. – СПб: Петербургское востоковедение, 2002.

Ламин, В.А., Малов, В.Ю. (ред.). Проблемные регионы ресурсного типа: Азиатская часть России. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. Ч. 1: Азиатская часть России в экономике страны: тяжелая ноша или кладовая благополучия.

Моисеев, Р.С. Некоторые методологические и методические вопросы районирования Севера России. Труды Камчатского Филиала Тихоокеанского Института Географии Дальневосточного отделения РАН. Вып 4. б.г. <http://www.terrakamchatka.org/publications/trudy/trudy6/3.htm>

Некlessа, А. Внешняя политика нового мира: движение к нестационарной системе мировых связей // Pro et Contra. – 2002. – Т. 7. – № 4. – С. 8-24.

Некlessа, А. Меморандум «Северо-Запад». Горизонты глокализации национальной государственности. Электронный журнал «Научный эксперт». №1. http://www.rusrand.ru/public/public_38.html accessed on June 26, 2007.

Николаев, М. Дальше отступать некуда. За нами – Арктика // Российская Федерация сегодня. – 2002. – № 20 (октябрь). – С. 10-12.

Николаев, М. Форум инновационного сотрудничества // Вестник Совета Федерации. – 2005. – № 2. – С. 26-32.

Николаев, М. Северные долины новой цивилизации. Республика Саха (Якутия) на пути в информационное общество // Якутия. – 2005. – 8 октября.

ЯЗЫК. КУЛЬТУРА. ЭТНОС

УДК 80 (= 1.571.56-81)

Юлия ХАЗАНКОВИЧ

**КУЛЬТУРА НАРОДОВ ЦИРКУМПОЛЯРНОЙ ЗОНЫ:
ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ «ПЕРВИЧНОГО» МЫШЛЕНИЯ**

**CULTURE OF NORTHERN INDIGENOUS PEOPLES:
FEATURE COMPOSITION OF PRIMARY THINKING**

В статье выявляются особенности формирования мышления малочисленных народов Севера. Анализируя обширный языковой материал, отражающий этнические представления о времени, автор исследует особенности темпоральных представлений у коренных малочисленных народов Севера. Это важно учитывать при изучении национальных литератур. Литературы малочисленных народов Севера представляют собой самобытный ареал развития и функционирования национальных художественных культур и сегодня, прежде всего, в отечественном литературоведении наметились тенденции преодоления периферийного интереса к ним. Одним из показателей этого процесса стало оживление исследовательского внимания к этим литературам как в России, так и дальнем зарубежье.

The author studies the peculiarities of northern indigenous peoples' temporal knowledge's through vast linguistic material reflecting ethnic temporal knowledge's is revealed in the article. Literature of peoples of the North is original area of development and functioning of national cultures. Nowadays primarily the domestic literary trends toward overcoming peripheral interest to them. It is stated that there is the revival of research attention to these literatures both in Russia and abroad.

На современном этапе в связи с процессами глобализации и, прежде всего, культурной унификации, острота вопроса сохранения этнических корней, культуры и языка очевидна. Наиболее уязвимы в этом плане представители «малых» этносов. Понимание этого впервые выразилось на международном уровне принятием Международной организацией труда в 1989 году «Конвенции №169 о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни, в независимых странах». Малочислен-

ные народы создали своеобразную материальную и духовную культуру в Арктике, территория которой менее всего приспособлена к созданию необходимых условий для нормальной жизни человека.

Родоначальником представлений о циркумполярной культуре был Ф. Гребнер [1]. Именно он впервые выделил культуры охотников Арктики и Субарктики, которые были отнесены к категории древнейших культур. Типологическое сходство материальной и духовной культуры этих народов объяснялось унифицирующим влиянием географической природной сферы. Общества охотников на дикого северного оленя и собирателей, абсолютно зависимых от среды обитания, были объединены в своеобразное культурное единство [2].

В 1920-х годах В. Богораз-Тан выделил пять объективных условий, по его мнению, определивших сходство культур народов арктической зоны: астрономические, географические, флористические и фаунистические. Но при этом он указывал на еще одну важную причину типологического сходства северных культур. Она – в генетической связи культур Северо-Востока Евразии и Севера Америки единым этническим субстратом. Основанием для типологического сближения культур коренных малочисленных народов Севера являются параллели в мифологии, фольклоре и других аспектах материальной культуры [3]. Согласно современным представлениям, языки народов Севера относятся к разным языковым группам (эвенский и эвенкийский – тунгусо-маньчжурская языковая группа, юкагирский, эскимосский, нивхский – палеоазиатская, мансийский и хантыйский языки относятся к обско-угорской ветви финно-угорской языковой группы и т.д.). Но ранее, по мнению В. Тан-Богораз, которое он высказал еще в 1929 году, существовал предшествующий этим народам этнический субстрат, с общими пра-языком и пра-культурой. Эту точку зрения разделил впоследствии и Ю. Симченко [4].

Факторы формирования этой культуры в отличие от других культур – совокупность естественных условий существования человека на этой холодной части планеты. Климат – это один из решающих факторов жизнедеятельности человека и всего живого, с характерными для арктических районов полярной ночью и полярным днем, что, соответственно, накладывает свой отпечаток на культуру и поведение людей этой части Земли. «Огромное пространство, небо, ландшафт, океан, тундра, лед, снег и т.д. непосредственно влияют на культуру малочисленных народов Севера. В сложных условиях человек должен был добывать тепло, пищу, создавать условия для отдыха. Аборигенные народы Арктики с этим справлялись, в результате чего сформировался особый тип человека – человек циркумполярной культуры, для которого все живое и неживое имеют равные права» [5]. Так сформировался особый принцип биосферного равенства, где превыше всего признание самоценности жизни на Земле, где человек считает себя лишь «червем» (нганасаны) или «соринкой земли» (эвенки). Тысячелетиями формировалась особая мораль подчиненности природе как субъекту почитания, предмету подражания и объекту бережного отношения. В сознании северного человека природа заботится о нем так же, как и человек заботится об окружающем мире как о равном самому себе.

Необходимо сказать, что есть определенные механизмы формирования культур народов циркумполярной зоны. У малочисленных народов Севера сохранилась живая эпическая традиция. Ее сохранности способствует эпическая среда, которая до сих пор не разрушена. Это обусловлено самой культурой народов: в традиционном обществе с младенчества человек оказывается в мире фольклора, мифологии, традиционной обрядности и ритуалов. Восприятие слушателем эпического фольклора происходит без какой-либо целевой установки, – это осуществляется у малочисленных народов на уровне культуры в целом. Одна из характерных черт эпической среды – отсутствие стремления слушателя к получению новой информации: в традиционном обществе слушатели хорошо знают эпический мир, слушая мифологические сказания и сказки с детства. Цель их слушания – не в получении кардинально новой информации, а в приобщении к эпическому миру, своего рода «узнавание» уже «знаюмого» ранее события и со-переживание герою или происходящему в целом. Леви-Брюль Л. обозначил это понятием «со-причастие». Человек традиционной культуры верит в то, что события и герои мифа не просто «когда-то были», но и сегодня продолжают жить.

Вера в реальность эпического мира и могущество сказанного слова – одна из характерных черт эпического мировосприятия, важнейших составляющих эпической среды и традиций, которые сегодня в культуре малочисленных народов сохранились, хотя и в несколько трансформированном виде. В среде малочисленных народов Сибири, Севера и Дальнего Востока тотально не утрачена потребность слушать эпос, передавать эту традицию следующему поколению с целью сохранения знания и его последующего воспроизведения следующим поколением. Подтверждение этому находим в работе эвенкийского фольклориста Г. Кэптукэ, которая в своей работе «В продолжении о чучуне» писала о том, что фольклор эвенков относится к архаическому типу фольклора, и его одна из древнейших функций – передавать историю своего этноса, практический опыт жизни и культуру. Заметим, что эта функция является важной и одной из основных и по сей день. Такую «живучесть» эпической традиции можно объяснить рудиментарно сохранившимся коллективным со-знанием. Это можно объяснить еще и тем, что человек «технократической культуры» начал свой путь в цивилизацию с осознания и отделения себя от окружающего мира. Он перестал органично вписывать себя во Вселенную. Но эту особенность не утратили представители «традиционных культур», где человек не противопоставляет себя миру как субъект объекту. Малочисленные народы понимают мир как часть себя и воспринимают себя как часть мира, заботятся о нем, как о себе. Забота о мире выражается в соблюдении определенных родовых канонов, предписаний (то, что в современном мире, потеряв символический смысл, называется «приметами») в повседневной заботе об окружающем (например, родовой этикой северян предписывалось брать на промысле не больше необходимого), проведении обрядовых действий (праздников) с целью поддержать, укрепить и умилоствить силы окружающей природы.

Следует сказать, у малочисленных народов Арктической зоны не одну сотню лет формировался особый тип мышления. В этой связи необходимо сказать, что для

разграничения типов мышления, типов сознания был введен в психологии термин «техника мышления», обращение к которому чрезвычайно важно в понимании сущности этнического мышления северян.

Отличие типов мышления обусловлено различными факторами. Во-первых, разнообразны экологические, ландшафтно-пространственные условия существования: европейцы живут в прямоугольном мире горизонтально-вертикальных систем, тогда как в традиционном обществе преобладает естественное окружение – тайга, необъятные пространства лесотундры и тундры. Во-вторых, у европейских и арктических народов различны ценностные установки и комплексы традиционных верований.

Необходимо сказать еще об одной из доминантных черт сознания малочисленных народов – внушаемости, которая, на наш взгляд, во многом обеспечивала выживаемость малочисленных родов. Процессы внушения наиболее активно протекают там, где индивид наиболее сильно интегрирован в коллектив. Именно родовая интеграция характерна для человека первичной культуры. Коллектив, род оказывают влияние на психологию и поведение человека. В борьбе за выживание люди должны были «делаться» восприимчивее к выражению эмоций своих сородичей и моментально воспроизводить их. Внушаемость и вера – базисные основы культуры аборигенных народов, и особое место у народов первичной культуры занимали именно шаманы.

Шаманизм не является только «религиозным феноменом», реализующимся в своеобразном исполнении религиозных ритуалов общения с духами. Шаманизм – это социокультурный феномен. Шаманами были индивиды, обладавшие особыми врожденными способностями оказывать Словом внушающее эмоционально-чувственное воздействие на окружающих. В этом эмоциональном «климате», который формировался во время шаманских ритуалов, Слово шамана оказывало буквально гипнотическое воздействие на иницируемых. По мнению Б. Поршнева, «человеческие слова у слушающего вызывают с полной необходимостью те самые представления, образы и ощущения, какие имеет в виду говорящий (шаман, в частности). Полная ясность и безоговорочность этих вызванных представлений с той же необходимостью требует действий, как будто эти представления были получены наблюдением и познанием, а не посредством другого лица [6]. Магическое слово шамана само по себе коммуникативно и диалогично. Это заметно при изучении мифологии малочисленных народов Севера. Мифология у народов первичной культуры, в отличие от европейской, не мир первообразов, а зафиксированный образ жизни. Для них – миф есть «изначальная форма жизни, вневременная схема, издревле заданная формула, в которую укладывается осознающая себя жизнь». Миф сначала выразил, а затем сохранил мироощущение и миропонимание эпохи его создания: человек не только реагировал, но и все осмысливал. Мифология как ступень сознания сегодня в культуре малочисленных народов Севера себя не изжила. Применительно к культуре народов Севера миф действительно не идеальное понятие, а скорее всего категория «сознания и бытия», «сама жизнь» (А. Лосев). Архаический фольклор через обряды, ритуалы

сохранил живое бытование, а вместе с ним и «чистый» взгляд на мир, с присущей ему эмоциональной ассоциативностью (откуда и обилие зоо- или терратоморфных образов в палеоазиатской мифологии: женщина – Черемша, цветок Дикого Луга – женщина – тритон). «Эпическая среда обладает способностью ощущать живые связи с эпосом, опираться на традиции эпического мира в своих суждениях, в общественной практике» [7]. Память традиции у «малых» народов Севера жива и имеет свое бытование в силу определенных этнических социокультурных реалий – сохранение традиционных видов промысла, жизнедеятельности, хозяйственного уклада и языка. Подчеркнем, что последнему принадлежит особая роль: посредством языка этнос улавливает и транслирует ментальные стереотипы восприятия мира, а вместе с тем и скрытые подсознательные установки.

Сохранность эпической среды зафиксирована в языках северных народов. Исходным тезисом для дальнейших наших наблюдений и рассуждений будет тезис А. Гуревича: «Человек не рождается с чувством времени. Его временные понятия всегда определены той культурой, к которой он принадлежит» [8]. У коренных малочисленных народов Севера представление о времени качественно иное, чем у «европейцев». Поясним сказанное известным примером. В развитых обществах встречается идиома «время – деньги», но ее эквивалент отсутствует, например, у саами. В частности, практиковался так называемый «саамский час». Суть его в том, что на любую встречу регламентировано обязательное опоздание на один час. Опоздание продиктовано вовсе не отсутствием уважения к окружающим. Вероятней всего, это одна из устойчивых этнокультурных особенностей саами. Она еще раз подтверждает, очевидно, размеренность бытия и неспешность жизни представителей этой народности. Регулярное опоздание на всех уровнях, в том числе в структурах власти, своеобразно узаконили «узаконенное» самой культурной традицией саами: было решено собираться на час позже оговоренного времени. Это один из ярких и несколько необычных примеров реального учета ментального восприятия времени представителями малочисленного этноса [9].

Нами был проведен анализ временной лексики отдельных северных народов, в частности, эвенов, юкагиров и аллюторцев. Языковой материал представляет собой результат как личных бесед с носителями языка, так и выборки соответствующей лексики из словарей и исследований по фольклору и языку [10]. Мы проанализировали значения слов-репрезентантов на материале «малых» жанров фольклора – загадки, пословицы, поговорки, в которых нашли отражение этнические пространственно-временные представления и их соотносимость с кодексом поведения человека. Например, в эвенских идиоматических выражениях отражена регламентация категории времени [11]. В частности, у эвенов запрещается кричать вечером – «дух-хозяин местности услышит» («хисэчин эдилрэ иркагракилра – муран долчидик»), кричать ночью – «покойники могут услышать» («долба эдилрэ иркагракилра-бул долчидикал») или «шить ночью – грешно». Следует отметить и особое отношение эвенов к прошлому. В частности, в эвенских идиомах «нельзя грубо отвечать старому человеку

– очень плохо», наблюдается «временная» метка: старый человек – это «прошлое, которое надо уважать».

Следует отметить широкое бытование лексики у названных народов с пространственным значением. Языковой материал свидетельствует, что у большинства малочисленных народов категория времени освоена менее значительно, чем категория пространства. Этот момент характерен практически для всех народов первичных культур. Так, выборка лексики из книги А. Кибрика «Язык и фольклор аляutorцев» свидетельствует, что некоторые временные лексемы содержат пространственный признак (например, «Yivi.Yэrn» – «годовщина» переводится как «пространство года»). Возможно, это обусловлено и тем, что категория времени в силу определенных нейрорепсихологических особенностей малых народов, связанных со средой обитания, была длительный период недоступна для конкретно-чувственного восприятия и осваивалась через пространственные представления. В аляutorском языке наблюдается отсутствие четкого деления времени внутри недельного цикла – не обнаружены такие столь свойственные для европейца временные понятия, как «понедельник», «вторник» и т.д. Категория будущего времени обозначена лексемой «avagga», что означает «позже», «потом» и свидетельствует о наличии представлений у аляutorцев об обозримом будущем, но лишено в то же время конкретики (например, в русском языке такой конкретикой обладают лексемы «завтра», «через неделю», «на будущий год» и др.). Следует сказать, что в аляutorском языке глаголы будущего времени отсутствуют. Но в абсолютном большинстве представлены лексемы, обозначающие прошедшее время: Joti – guli = tyivi (в позапрошлом году); этэээг – раньше, до; wutin = эжу – прошлый год; эжу-вэт – давно, но в очевидном прошлом.

Интересные наблюдения можно сделать и при обращении к юкагирско-русскому словарю Г. Курилова: наиболее представлена лексика, обозначающая прошлое. Причем она имеет разное смысловое содержание: а) категории прошлого, которые обозначают общепринятое, привычное: титанпалье – прошлогодний; йигирукун – позапрошлогодний; лайанэ – в последнее время; б) категории прошлого, значение которых характерно для носителей языка северных народов, т.е. это ссылка на отдаленное прошлое, но привязанное к какому-то масштабному, бытийному событию в жизни рода; тине – какое-то определенное прошедшее когда-то время, но связанное с чем-либо, или тапниги – тогда, в то время, не теперь, или тадааткумун – с того времени, с тех пор); в) статусное абсолютное прошлое (халльэруккун – давно канувшее в Лету), или тиндаа – раньше, в прежние времена, очень давно. Так же, как и в аляutorском языке будущее и настоящее представлены парой лексем. И у юкагиров, и у аляutorцев аспект переживания настоящего времени в его кратности временных отрезков – секунда, миг, мгновение, минута – практически отсутствует. Возможно, это объясняется чрезвычайной конкретностью понятий. При этом отсутствие слов «миг», «мгновение» обусловлено тем, что они отражают непосредственное восприятие времени в его онтологической сущности. Эти слова сопряжены со временем настоящим, и именно настоящее является областью чувственного восприятия времени. Время настоящее у юкагиров ассоциировано, прежде всего, с понятием «пора».

Космологичность содержания этой лексемы проявляется в том, что она воспринимается как нечто закономерное, объективное, повторяющееся и не зависящее от желаний человека. «Пора» всегда мыслится как нечто данное, она соотносима с космическим циклом и потому всегда присутствует в номинации календарных месяцев. Посредством лексемы «пора» прошлое и настоящее ставятся в один космологический ряд (жизненный и природный круг). В сравнении с лексемой «время» слово «пора» более эпично, оно имеет качественно иные характеристики: «пора» не «течет» и не изменяется. «Пора» имеет бытийную и космическую закрепленность на временной оси. Скорее всего, такая этносемантическая разность лексем «пора» и «время» обусловлена тем, что архетипически представители коренных народов Севера были носителями циклического сознания. Цикличность вообще ассоциирована с такими понятиями, как «пора», «прежний», «прошлый», «нынче» и настроена на типизацию, отождествление того, что уже есть, с тем, что уже было не однажды.

Современный же европеизированный человек является носителем сознания линейного, направленного на индивидуализацию. Линейность же ассоциирована с понятиями «время», «минувший» (в значении невозвратимый), «сейчас». Безусловно, у современных представителей «малых этносов» в чистом виде циклического сознания нет, но оно сохранено в духовном генотипе северян и является их отличительной чертой. Естественно, в их повседневной жизни соответствующая архетипическая ориентация сознания не исключает присутствие линейного восприятия времени. В культурной парадигме северян сочетаются идеи природных циклов, бесконечных возвратов и повторов событий с такими же характеристиками линейного времени, как повторяемость, уникальность, единичность самой жизни. Само течение современной жизни как бы постулирует идею памяти о прошлом, смене поколений, глубокого осознания линейности человеческой жизни от рождения до смерти, и ассимилирует поступательное следование естественным, солярным и вегетативным, циклам природы.

В заключение следует сказать, что у народов циркумполярной зоны «эпическая среда», мифология сохраняют, видоизменившись, свое функциональное содержание и живое бытование. Последнее обусловлено стадийным уровнем сознания «малых» народов, значимостью «власти традиции» в архаических обществах в сохранении родовых обычаев, а также функциональной востребованностью родовых традиций в современном национальном сообществе.

Литература

1. *Graebner, F.* Die Methode der Ethnologic. – Hdlb., 1911. – 105 с.
2. *Симченко, Ю.* Культура охотников на оленей Северной Европы. Этнографическая реконструкция. – М., 1976. – 235 с.
3. *Иванов, А.* Традиционная экологическая этика юкагиров (иерархия ценностей) : автореф. дис. ... к.и.н. – М., 1995. – С. 5.

4. *Симченко, Ю.* Некоторые данные о древнем этническом субстрате в составе народов Северной Евразии // Проблемы антропологии и исторической этнографии. – М., 1968.
5. *Роббек, В.А.* Толерантность – основа циркумполярной культуры народов Севера и Арктики // Терпимость: идея и традиции. – Якутск, 1995. – С. 120.
6. *Леонтьев, А.* Деятельность. Сознание. Личность. – М., 1972. – С. 155.
7. *Путилов, Б.* Героический эпос и действительность. – Л., 1988. – С. 17.
8. *Абульханова-Славская, К.* О путях построения типологии личности // Психологический журнал. 1983. Т. 4. С. 20-31.
9. *Ярская, Н.* Время в эволюции культуры. Философские очерки. – Саратов, 1989. – С. 106.
10. *Ершова, Г.* Восприятие пространства и времени // Системные исследования взаимосвязи древних культур Сибири и Северной Америки. Духовные культуры. – Вып. 3. – СПб., 1996. – С. 56-59; *Кибрик, А., Кодзасов, С.* Язык и фольклор алыторцев. – М., 2000. – 345 с.; *Курилов, Г.* Юкагирско-русский словарь. – Новосибирск, 2001. – 586 с.
11. *Бурыкин, А.* Малые жанры эвенского фольклора. – СПб., 2001. – 278 с.

Анжелина КОРЯКИНА

**СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЯ
«ПОЛИКУЛЬТУРНАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ»**

CONTENT OF THE TERM «MULTICULTURAL LINGUISTIC PERSONALITY»

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Поликультурный подход к языковому образованию», проект № 12-16-14003.

Статья посвящена определению понятия «поликультурная языковая личность». Содержание термина раскрывается посредством понятий «языковая личность» и «вторичная языковая личность».

The article is devoted to the definition of «multicultural linguistic personality». The content of the term is revealed in connection with the concepts «linguistic personality» and «secondary linguistic personality».

Известно, что одной из главных целей языкового образования на сегодняшний день выдвигается формирование поликультурной языковой личности, способной к творческому саморазвитию и осуществляющей этнокультурное и гражданское самоопределение на основе национальной традиции, ценностей российской и мировой культуры. Этим объясняется важность четкого определения данной категории.

Перейдем к теоретическому анализу термина «поликультурная языковая личность». Но прежде чем определить понятие «поликультурная языковая личность», рассмотрим составляющее ее понятие: «языковая личность».

В современной науке языковая личность рассматривается как целостный феномен, в котором интегрированы результаты междисциплинарных лингвистических исследований.

Термин «языковая личность» впервые был введен В.В. Виноградовым, определившим пути описания языковой личности автора и персонажа на материале художественной литературы [1, с. 4].

С.Г. Воркачев отмечал, что под «языковой личностью» понимается «человек как носитель языка», взятый со стороны его способности к речевой деятельности, т.е. комплекс психофизических свойств индивида, позволяющий ему производить и воспринимать речевые произведения – по существу, личность речевая [2].

Необходимость обращения к человеку, а именно к языковой личности при изучении языка была обоснована Ю.Н. Карауловым. Согласно концепции Ю.Н. Караулова, «языковая личность – это личность, выраженная в языке (в текстах) и через язык, есть личность, реконструированная в основных своих чертах на базе языковых средств. Это углубление, развитие, насыщение дополнительным содержанием понятия личности вообще» [4, с. 38]. Ю.Н. Караулов определил языковую личность как «многослойный и многокомпонентный набор языковых способностей, умений, готовностей к осуществлению речевых поступков разной степени сложности, поступков, которые классифицируются, с одной стороны, по видам речевой деятельности (имеются в виду говорение, аудирование, письмо и чтение), а с другой – по уровням языка, т.е. фонетике, грамматике и лексике» [4, с. 29].

Следовательно, результатом любого языкового образования должна явиться сформированная языковая личность, а результатом образования в области иностранных языков – вторичная языковая личность как показатель способности человека принимать полноценное участие в межкультурной коммуникации [3, с. 65].

Понятие «вторичная языковая личность» выдвигается в качестве центральной категории в современной лингводидактике. Лингводидактическое толкование понятия было предложено И.И. Халеевой, которая рассматривает формирование вторичной языковой личности как одну из главных целей обучения иностранному языку. И.И. Халеева считает, что описание модели вторичной языковой личности должно осуществляться с учетом тех процессов, которые происходят в личности в ходе овладения ею неродным для неё языком. По её мнению, результатом овладения языком является то, что языковая личность приобретает черты вторичной языковой личности, способной проникнуть в суть изучаемых ею языка и культуры народа, с которым может осуществляться межкультурная коммуникация [6].

В обобщённом виде вторичная языковая личность определяется как способность человека к общению на межкультурном уровне. Данная способность складывается из овладения вербально-семантическим кодом изучаемого языка, то есть «языковой картиной мира» носителей этого языка (формирование вторичного языкового сознания) и «глобальной (концептуальной) картиной мира» [3, с. 68].

Результатом переосмысления категории «вторичная языковая личность» под влиянием современных тенденций развития общества и научной мысли представляется новый концепт – «поликультурная языковая личность». По мнению П. В. Сысоева, искусственные разделения личности на вторичную и третичную, предполагающие переход с одного типа мышления на другой, противоречат психологическим особенностям развития человека. Правильнее будет говорить о «формировании средствами родного и изучаемого языков единой поликультурной личности, отличительной

чертой которой является осознанное самоопределение в спектре культур современных поликультурных обществ» [5, с. 166].

Понимание сущности поликультурной языковой личности Л.П. Халяпиной базируется на сочетании лингвокогнитивного и лингвокультуроведческого подходов. Такая личность, по замыслу автора, владеет комплексом компетенций, позволяющим ей ориентироваться в концептосферах разного типа (универсальной, этнокультурной, социокультурной, индивидуально-культурной), что обеспечивает развитие ее готовности и способности к активному позитивному взаимодействию с представителями поликультурного мира [8].

Главная отличительная черта формируемой поликультурной (вторичной) языковой личности заключается в ее готовности к поликультурному функционированию на всех уровнях межкультурной коммуникации: общемировом (глобальном), межэтническом (межнациональном), межличностном.

Исходя из этого, инновационная составляющая модернизации иноязычного образования заключается в формировании поликультурной языковой личности – личности, обладающей способностью на когнитивном уровне понимать сходства и различия концептуальной системы представителей различных лингвокультур и в соответствии с этим осуществлять межкультурное взаимодействие на иностранном языке на основе овладения единой картиной мира и языковой картиной мира, которые обеспечивают взаимопонимание в ходе межкультурного общения [7].

Литература

1. *Аникин, Д.В.* Исследование языковой личности составителя «Повести временных лет» : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Д.В. Аникин. – Барнаул, 2004. – 205 с.
2. *Воркачев, С.Г.* Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С.Г. Воркачев // Филологические науки. – 2001. – №1. – С. 64-72.
3. *Гальскова, Н.Д.* Теория обучения иностранным языкам: Лингводидактика и методика : учеб. пособие для студ. лингв. ун-тов и фак. Ин. яз. высш. пед. учеб. заведений / Н.Д. Гальскова, Н.И. Гез. – М. : Издательский центр «Академия», 2004. – 336 с.
4. *Караулов, Ю.Н.* Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М. : Наука, 1987. – 268 с.
5. *Сысоев, П.В.* Концепция языкового поликультурного образования (на материале культуроведения США) : монография / П.В. Сысоев. – М. : Евршкола, 2003. – 401 с.
6. *Халеева, И.И.* Основы теории обучения пониманию иноязычной речи (подготовка переводчика) / И.И. Халеева. – М. : Высшая школа, 1989. – 237 с.
7. *Халяпина, Л.П.* Ключевые категории когнитивной лингвистики как основа формирования поликультурной языковой личности в процессе обучения

иностранным языкам / Л. П. Халяпина // Вестник Новосибирского государственного университета. – Серия «Педагогика». – Новосибирск : Изд-во НГУ, 2006 (ноябрь). – Том 7. Вып. 1. – С. 68-73.

8. *Халяпина, Л.П.* Методическая система формирования поликультурной языковой личности посредством Интернет-коммуникации в процессе обучения иностранному языку : автореф. дис. ... д-ра пед. наук / Л.П. Халяпина. – СПб. : РГПУ им. А. И. Герцена, 2006. – 48 с.

Снежана ИСАКОВА

**ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
В РАБОТАХ ЕВРОПЕЙСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ
(на примере творчества Еремея Айпина)**

**LITERATURE OF NORTHWEST SIBERIA IN THE STUDIES
OF EUROPEAN LITERARY EXPERTS
(on example of creative work by Eremei Aipine)**

В статье рассматриваются работы зарубежных литературоведов в области фольклора, культуры и литературы малочисленных народов Севера. Приводится обзор работ зарубежных ученых о творчестве хантыйского писателя Еремея Айпина в сравнительном аспекте.

This paper observes studies of foreign literary experts in literature, folklore and culture of minorities peoples of the North. Article presence review of work of foreign scientists about creative work of the Khanty writer Eremei Aipine in comparative aspect.

Вторая половина XX века прошла под знаком возрастающей роли этнического характера в мировой истории и культуре. Сам по себе этот феномен, во всей его многоаспектности, нуждается в серьезном исследовании. В этой связи активизировалось изучение духовной культуры, фольклора и литературы малочисленных народов, как стержневой основы сохранения и развития культуры, а также в изучении национальных литератур в сравнительном аспекте.

Исследования литератур народов северо-западной Сибири приобретают особое значение и интерес для ученых не только в нашей стране, но и за рубежом. Интенсивно ведется переводческо-пропагандистская работа венгерскими, французскими и немецкими исследователями. Появились первые междисциплинарные работы. В этом направлении активно работает Ассоциация финно-угорских писателей. Их труды привлекают внимание исследователей литературы и критиков почти со всех концов света. Вот и на прошедшем в Йошкар-Оле конгрессе, кроме делегаций из финно-угорских республик, присутствовали литературоведы и писатели из

Франции, Германии, Великобритании, Румынии, Словении, ведущие литературоведы и критики России. Среди многочисленных работ европейских исследователей следует отметить труды венгерских ученых Анны Беде, Эдиты Вертеш, Петера Домокош, Каталины Надь, исследования немецких литературоведов Альфонса Бенедиктера, Бригитте Шульце, работы итальянских ученых Лауры Дузио, Гулиано Пиротти, активную работу ведут французские исследователи Ева Тулуз, Анн-Виктуар Шаррен, Доминик Самсон и др.

Причины пристального внимания к культуре малочисленных народов со стороны зарубежных литературоведов, возможно, в какой-то мере объясняет доктор филологических наук Ева Тулуз: «Здесь представлены очень разные типы культур. Есть центрально-европейская – венгры, есть скандинавская – финны, есть, как мы говорим, народы природы – коренные народы Севера, есть сельскохозяйственные – народы Поволжья. Это дает возможность почувствовать разнообразие, богатство мира. Это также позволяет нам, ученым из разных стран, изучать национальные литературы в сравнительном аспекте». А вот мнение Анн-Виктуар Шаррен: «У каждого народа свои духовные богатства, их надо знать, изучать, обогащаться за счёт других культур. А ведь в людях важными являются не общие черты, а именно их различия. Поэтому я и стремлюсь изучать литературу различных народов» [7].

Особое внимание исследователи уделяют процессам, происходящим внутри самой литературы – проблемам взаимодействия современной литературы с этническим фольклором на сюжетном и жанровом уровнях, вопросам двуязычия писателей-северян и сохранения национального языка.

О конфликте культуры и цивилизации заговорили лишь во второй половине XX века, но многие писатели и литературоведы давно уже присматривались к параметрам этого противостояния.

Интенсивная эксплуатация газовых и нефтяных месторождений вызвала неожиданное эхо в западной Сибири – «бешеная индустриализация пробудила усыпленные пропагандой угрызения совести, и защита окружающей среды вошла в литературу» [3, с. 88].

«Северные писатели постепенно очнулись и поняли, что их родина, их община, мир их традиций оказались в смертельной опасности», – пишет венгерский исследователь Петер Домокош [2, с. 242].

Его поддерживает Ева Тулуз: «С развитием нефтяной промышленности коренные народы попали в очень стеснённые условия. Им грозит не только потеря культуры и ассимиляция, но, возможно, и физическое вымирание – так считают многие учёные, поскольку современные промышленные гиганты угрожают природной среде, а народы эти живут в тесной связи с тайгой и тундрой» [6, с. 166].

В наши дни этот конфликт стал одной из центральных тем мировой литературы. Ярким феноменом такого рода является творчество Еремея Айпина, которое представляет собой передовое звено современных литератур народов Сибири и этнических литератур мира. «Каждый этнос способен пойти на любые жертвы ради какой-то важной цели, так же, как и найти в своем лоне лучших представителей

народа, героев. Это фундамент, суть, корни народа. Таковые, на мой взгляд, Шаламов у русских, Айтматов у казахов, Шесталов у манси, Айпин – у ханты» – такого мнения о нем Анн-Виктуар Шаррен, и это действительно так [7]. Еремей Айпин, хантыйский писатель и общественный деятель, уже много лет занимается проблемами малочисленных коренных народов Севера.

Первый рассказ, принесший Айпину известность, – «В ожидании первого снега», повествует о хантыйском юноше, который нанялся бурить скважины. Это повесть о том, как трудно переступить порог, отделяющий таежного человека, всю жизнь прожившего в первобытной слитности с природой, где все одушевлено и многозвучно от мира железа, машин, механизмов и прочих благ цивилизации и принять этот мир и не потерять связь с природой. Традицию сохранения единства продолжает рассказ «В тени кедра», а затем и роман «Ханты, или Звезда Утренней Зари». Позже Айпин выпустил сборник «Клятвопреступник», в который, кроме романа «Ханты, или Звезда Утренней Зари», вошло еще пятнадцать новелл. Герои его новелл становятся «образом человека, воплощающего переход к новой жизни через потерю всего самого дорогого» [4, с. 8]. Ева Тулуз подчеркивает «боль» писателя, которая пронизывает все творчество и «вносит в произведения Айпина ноту трагичности и какой-то безнадежности». Это видно в романе «Ханты, или Звезда Утренней Зари», где автор уловил и очень художественно передал одну черту, фактически показал, что «жизнь северного человека замкнута в треугольник: с одной стороны – буровая, с другой – труба, с третьей – железная дорога» [4, с. 10]. Единственным оружием, чтобы «выжить несмотря ни на что, чтобы обеспечить будущее своей земли» [б, с. 168], является эмоциональная художественная литература, «литература боли и отчаяния» [4, с. 5].

Изучая творчество хантыйского писателя, европейские исследователи Каталина Надь, Бригитте Шульце, Анн-Виктуар Шаррен и другие отмечают, что «в романе присутствует сожаление об исчезнувшей древности, об утерянном величии народа, об угасающем языке, об утрате мира, где ханты жили по законам тайги, сожаление о прошлом самой России, о ее великой истории».

Сам Еремей Данилович, сравнивая положение коренных малочисленных народов на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры с положением малочисленных народов в других странах, отмечает: «У нас похожее мироощущение, мы хорошо друг друга понимаем. Нас волнуют одинаковые проблемы, главные из которых – сохранение культуры, традиции, языка» [1].

Неуклонно растет международное признание творчества Еремея Айпина. Роман «Ханты, или Звезда Утренней Зари» выходит в Хельсинки на финском языке. Творчества хантыйского писателя касается венгерский литературовед Петер Домокош, благодаря которому книги и отдельные рассказы писателя печатаются в Венгрии. В 1998 году состоялся литературный маршрут по Югре, посвященный 50-летию Еремея Айпина. В нем участвовали американские исследователи С.Н. Момадей и Сьюзенн Скарберри Гарсия, а также немецкий ученый Альфонс Бенедиктер. В 2001 году о нем выходит во Франции первая книга, созданная докторантом Государственного института восточных языков и цивилизаций в Париже Домиником

Самсоном. Выход в свет книги не остался незамеченным французской общественностью – в солидной газете «Le Figaro» появилась рецензия на это произведение, и роман хантыйского писателя был выдвинут на соискание литературного Приза Медичи в секции «Иностраннный роман». Последний роман Е. Айпина «Божья мать в кровавых снегах», посвященный малоизвестному Казымскому восстанию, противостоянию коренных народов Севера сталинскому режиму в 1933-1934 годах, недавно был издан во Франции. Ряд статей об Айпине пишет французская исследовательница Ева Тулуз. На французский язык прозу Еремея Айпина переводит Анн-Виктуар Шаррен. Эти факты говорят о широкой известности и популярности хантыйского художника слова, к творчеству которого неизменно возрастает интерес.

Таким образом, подводя итоги выше сказанного, следует отметить, что интерес зарубежных ученых характеризуется не только созерцательностью, но имеет исследовательскую цель – изучение духовной культуры, фольклора и литературы малочисленных народов как стержневой основы сохранения и развития культуры. Крепкий творческий союз с зарубежными исследователями очень важен для писателей малочисленных народов Российского Севера, так как он дает возможность печататься за рубежом, тем самым привлечь мировую общественность не только к красоте природы, поэтичности языка, культуре, традициям, но и к проблемам малочисленных народов нашей страны.

Литература

1. *Айпин, Е.* Понимание истории – ключ к будущему // Таежный гений. – 2010. – 27 окт.
2. *Домокош, П.* Выбор // Хантыйская литература. – М., 2002. – С. 241-244.
3. *Доминик Самсон, Н.* Невероятность Трех Миров // Хантыйская литература. – М., 2002. – С. 171-178.
4. *Огрызко, В.* Чувствовать чужую боль / В. Огрызко // Айпин Е. В ожидании первого снега. – М., 1990. – С. 3–11.
5. *Огрызко, В.* Хантыйская литература : сборник. – М. : Литературная Россия, 2002. – 360 с.
6. *Тулуз, Е.* Две ветви одного дерева / Пер. с франц. яз. Е. Тулуз // Хантыйская литература. – М., 2002. – С. 164-170.
7. *Шаррен, А.* Отражения и выражения // Литературная Россия. – 2004. – 8 октября.

СОБЫТИЯ, ПРОЕКТЫ, ГРАНТЫ

Дарья Бурнашева

ЛЕТО В СИБИРИ: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЛЕТНИЕ ШКОЛЫ СВФУ

За годы своей работы Управление международных связей накопило немалый опыт в организации и проведении международных летних школ. За два десятилетия география участников значительно расширилась.

История летних образовательных программ для иностранных граждан берет свое начало в 1993 году, когда еще в Якутском государственном университете впервые была организована совместная программа образовательного туризма с Университетом Аляски Фэрбенкс «Элдерхостел: Аляска – Сибирь», знакомившая американских и канадских граждан с историей и культурой Якутии.

Опыт проведения этой программы, реализованной с 1993 по 1997 год, и программы летнего семестра «Лето в Сибири», пользовавшейся большим успехом у студентов Аляски и Канады, безусловно, был полезен при организации новых школ. Этим летом Северо-Восточный федеральный университет распахнул свои двери для студентов из семи стран – Китая, Южной Кореи, Вьетнама, США, Германии, Норвегии и Финляндии.

В июле 2013 года Управлением международных связей СВФУ были проведены две международные летние школы для иностранных студентов – «Саха-Якутия: живая культура на вечной мерзлоте» и «Русский язык и культура в Сибири».

За два десятилетия география участников значительно расширилась и продолжает расширяться с каждым годом: в этом году, помимо студентов из стран Европы и Северной Америки, обучение в летнем семестре прошли студенты из стран Азии – Китая, Южной Кореи и Вьетнама. Расширилась и география самих школ – в этом году экскурсиями и образовательными поездками охвачены город Якутск и три района республики – Амгинский, Усть-Алданский и Хангаласский улусы. В работе летних школ приняли участие преподаватели Института языков и культуры народов Северо-Востока России, Физико-технического института, Института зарубежной филологии

и регионоведения, филологического, биолого-географического и геологоразведочного факультетов, кафедры североведения.

В целом, концепция обеих школ заключается в том, чтобы предоставить иностранным студентам уникальную возможность получить знания о регионе на практике – во время полевых лекций, поездок в сельскую местность и природные парки. Так, ряд лекций проходил в музеях города, а также во время поездки в природный парк «Ленские столбы». Отдельно стоит отметить и экскурсии в Ленский государственный историко-архитектурный музей «Дружба», природный парк «Булуус» и этнографический комплекс «Ямщицкое подворье», оставившие в памяти студентов неизгладимые впечатления и, несомненно, бесценные знания.

Школа «Саха-Якутия: живая культура на вечной мерзлоте» проводится совместно с Немецкой службой академических обменов (DAAD) пятый год, и, помимо студентов из различных университетов со всей Германии, привлекла также студентов из университетов-партнеров СВФУ по линии Университета Арктики – Университета Тромсе (Норвегия) и Университета Турку (Финляндия). Помимо занятий по русскому языку, насыщенная учебная программа дала возможность студентам изучить Якутию со всех сторон – преподаватели разных факультетов и институтов СВФУ прочитали им цикл лекций об окружающей среде и природе, истории и культуре, современных реалиях региона.

Одним из важнейших событий школы «Саха-Якутия: живая культура на вечной мерзлоте» является образовательная поездка в Амгинский район. Как и в предыдущие годы, во время этой поездки студенты ознакомились с традиционной культурой якутского народа, а также с укладом жизни и бытом якутской семьи. Самобытность якутского села, гостеприимность местных жителей и красоты Амгинской природы не оставили равнодушным никого и в этот раз.

Международная летняя школа «Русский язык и культура в Сибири» реализована в этом году впервые и организована для студентов из Китая, Южной Кореи и Вьетнама, изучающих в СВФУ русский язык: для них также была составлена обширная и насыщенная программа, предполагающая изучение русского языка, русской литературы и русской национальной культуры.

В рамках программы этой школы студенты не только глубже изучили русский язык, но и познакомились с жизнью и творчеством русских писателей, по разным причинам и в разное время волею судьбы оказавшихся в Якутии – Н.Г. Чернышевского, И.А. Бродского и В.Г. Короленко. Во время уникальных по своему содержанию экскурсий в Духовную семинарию и Преображенский собор студентам рассказали о роли христианства в Сибири, в этнографическом комплексе «Ямщицкое подворье» в с. Еланка Хангаласского района они ознакомились с историей ямщицкой службы и бытом ямщиков.

Международные летние школы СВФУ уникальны по своему содержанию, так как они предлагают не только учебную программу для комплексного изучения региона, но и возможность приобщиться к научным исследованиям мирового уровня. Так, на экскурсии в Музее мамонта директор С.Е. Григорьев показал студентам кадры

видеосъемок с места раскопок недавней находки, вызвавшей большой резонанс в мировом научном сообществе. Уникальные кадры, демонстрирующие отбор образцов крови мамонта, вызвали у студентов большой интерес.

Международные летние школы СВФУ вносят свой вклад в популяризацию русского языка и культуры народов Якутии, развивают международное сотрудничество. Опыт проведения международных летних школ, изучение мнений ее участников свидетельствуют о возрастании заинтересованности иностранных студентов к русскому языку и всестороннему изучению Севера и Арктики, что дает нашему университету отличные возможности для дальнейшего развития и укрепления международного сотрудничества, реализации научно-образовательного потенциала и экспорта своих образовательных услуг.

Надежда МЕЛЬНИКОВА

**ШЕСТАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА
ЦЕНТРА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДДЕРЖКИ «РАЗВИТИЕ»
СВФУ им. М. К. АММОСОВА**

В июне 2013 года в Якутске состоялась Шестая Международная психологическая школа Центра психологической поддержки «Развитие» СВФУ им. М.К. Аммосова «Социализация личности в современных условиях: теоретические и прикладные аспекты». Школа была проведена при поддержке СВФУ и под эгидой регионального отделения Российского психологического общества.

Главной целью школы было обучение сотрудников СВФУ и специалистов в области социальной работы (психологов, педагогов-психологов, социальных педагогов) современным технологиям работы с молодежью, обмен опытом реализации совместных с зарубежными партнерами проектов в области социальной работы и профилактики кризисных состояний молодежи на северных территориях РФ.

В работе школы приняли участие 107 человек: сотрудники и студенты СВФУ им. М.К. Аммосова, работники социально-реабилитационных центров для населения Министерства труда и социальных отношений и служб поддержки семьи г. Якутска, Усть-Алданского, Горного, Вилюйского, Хангаласского, Намского, Мегино-Кангаласского улусов, психологи УФСИН, сотрудники следственного комитета.

В качестве преподавателей работали Мельникова Надежда Михайловна, к.психол.н., директор ЦПП «Развитие», руководитель школы, психолог-тренер и консультант; Шьетне Ева Карлсдоттер, д.психол.н., профессор Финнмарк колледжа (Норвегия), семейный психолог, ученица Вирджинии Сатир; Белинская Елена Павловна, д.психол.наук, профессор факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова; Еремина Елена Евгеньевна, директор МБУ «Центр защиты прав несовершеннолетних» г. Архангельска, руководитель отдела социализации несовершеннолетних, вступивших в конфликт с законом, координатор немецко-российского и немецко-норвежского проектов по реализации восстановительного правосудия и медиации в Архангельской области.

В рамках Шестой летней школы были проведены семинары «Психология семьи и семейная терапия», «Психология: психологическая профилактика кризисных состояний молодежи северных территорий РФ». Отдельно для сотрудников ЦПП «Развитие» проведены консультации, супервизия и углубленное обучение техникам семейной терапии и индивидуального консультирования. На круглом столе «Социализация личности в современных условиях: теоретические и прикладные аспекты» были обсуждены вопросы ресоциализации несовершеннолетних, вступивших в конфликт с законом, и психолого-социального благополучия молодежи Арктики.

«Современный мир очень быстро меняется, и часто судьба бросает нам вызовы, тем более при суровых условиях Севера. Наша задача в психологической школе научить людей самостоятельно решать проблемы, используя при этом современные взгляды на ведение терапии. Мы начали сотрудничество с СВФУ пять лет назад. У норвежцев и якутов много похожих черт. Например, любовь к природе. Люди в Якутии открытые, готовы ко всему новому. Я очень многому научилась здесь, получаю новые знания. Академический стандарт в университете высокий и взаимодействовать с людьми, которые здесь работают, очень легко», – поделилась своими впечатлениями профессор Финнмаркского колледжа Ева Карлсдоттер Шьетне.

Участников школы интересовали как конкретные методы и техники работы, так и поиск оптимальных путей реализации зарубежного и отечественного опыта в Республике Саха (Якутия) с учетом социокультурных и этнокультурных факторов, а также организация совместных исследований и прикладных проектов в рамках тематической сети «Арктика». «Курс социализации ребенка включает в себя тренинги, диагностику, психологические и индивидуальные занятия. За время работы отдела уровень преступности в Архангельске снизился на 7-9% среди несовершеннолет-

них, прошедших полный курс социализации, также суды стали меньше назначать реальное наказание, 50% судебных разбирательств стали завершаться примирением», – отметила директор Социально-реабилитационного центра для несовершеннолетних Архангельской области Елена Еремина.

В Республике Саха (Якутия) стоит задача организации сети взаимодействия между всеми заинтересованными структурами с целью оказания поддержки семье и детям, ресоциализации подростков и молодежи. Мало узнать о каком-то методе – важно строить работу, опираясь как на теоретический анализ, данные исследований о социальной ситуации развития в конкретном регионе, так и на обобщении опыта своей работы.

Проведение психологических школ позволило не только повысить квалификацию психологов региона, которым трудно выезжать на длительный срок в крупные психотерапевтические центры страны на стажировки, но и способствовало установлению тесных научных связей между психологами разных стран. Н.М. Мельниковой, Е. Шьетне, Е.П. Белинской проведено совместное норвежско-российское исследование «Интернет-коммуникация детей Арктики» с охватом 500 школьников и студентов гг. Якутска, Москвы, Екатеринбурга, городских и сельских поселений Норвегии. К исследованию были привлечены студенты Института психологии (15 человек), психологи ЦПП «Развитие» (7 человек), преподаватели Института психологии СВФУ (5 человек), психологи школ г. Якутска, Москвы и Екатеринбурга. Всего в данном проекте приняло участие 38 человек.

«Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова по праву можно назвать флагманом подготовки научно-исследовательских кадров не только Республики Саха (Якутия), но и всего северного региона нашей страны. Одной из его особенностей, свидетельствующей о том, что СВФУ стремится соответствовать вызовам современности, является постоянная психолого-педагогическая работа. Значительная ее часть осуществляется силами сотрудников Центра психологической поддержки «Развитие» при СВФУ. Я убеждена, что у Центра психологической поддержки «Развитие» большое будущее – и дело не только и не столько в том, что психологические проблемы студенческой молодежи трудно разрешить раз и навсегда, а в том, что подобные «очаги» подлинного единства практической и академической психологии очевидно являются «точками роста» в развитии психологического знания в целом», – написала в своем отзыве о совместной работе доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова Белинская Елена Павловна.

ОБ АВТОРАХ

Дарья Васильевна Бурнашева,

заведующая сектором Арктического сотрудничества Управления международных связей СВФУ им. М.К. Аммосова. E-mail: international@s-vfu.ru

Снежана Анатольевна Исакова,

старший преподаватель кафедры иностранных языков по гуманитарным специальностям Института зарубежной филологии и регионоведения СВФУ. E-mail: snejana_issakova@inbox.ru

Стефан Киршнер,

визит-профессор по основным правам и правам человека со специализацией на правах коренных народов юридического факультета Университета Лапландии (Рованиеми, Финляндия), исследователь и лектор по морскому праву юридического факультета Университета Витаутаса Магнуса, Каунас, Литва. E-mail: stefan.kirchner@ulapland.fi

Анжелина Анатольевна Корякина,

к.филос.н., доцент Института зарубежной филологии и регионоведения Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова, E-mail: koryakina1@gmail.com

Нюргун Романович Максимов,

директор Института Востока Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. E-mail: nyurgunmaximov@gmail.com

Надежда Михайловна Мельникова,

к.психол.н., директор ЦПП «Развитие». E-mail: melnad@rambler.ru

Анатолий Николаевич Слепцов,

руководитель Центра правовых исследований устойчивого развития Арктики и коренных малочисленных народов Севера Северо-Восточного федерального университета, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: Uyandi@mail.ru

Анна Штаммлер-Госсман,

научный сотрудник Арктического центра Университета Лапландии (Финляндия), PhD. E-mail: Anna.Stammler-Gossmann@ulapland.fi

Юлия Геннадьевна Хазанкович,

д.филол.н., доцент кафедры русской литературы XX века и теории литературы филологического факультета Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. E-mail: lula1974@mail.ru

АРКТИКА. XXI век. Гуманитарные науки

Информационно-научное издание

№1
2013

Редактор *Н. Т. Иванова*
Компьютерная верстка *А. М. Соловьева*
Оформление обложки *П. И. Антипин*

Подписано в печать 27.12.2013. Формат 70x100/16.
Печать цифровая. Печ. л. 6,1. Уч.-изд. л. 7,6. Тираж 100 экз. Заказ № 25.
Издательский дом Северо-Восточного федерального университета
677891, г. Якутск, ул. Петровского, 5.

Отпечатано в типографии ИД СВФУ